

1944

МАЙ

9

Вторник

9 МАЯ 1944 ГОДА. В ЭТОТ ДЕНЬ БЫЛА ВЛЕСТЯЩЕ ЗАВЕРШЕНА БИТВА ЗА КРЫМ. РОДИНЕ ВОЗВРАЩЕН ГОРОД-ГЕРОЙ, ГОРОД НЕИМЕРКНУЩЕЙ СЛАВЫ, ВАЖНЕЙШАЯ ВОЕННО-МОРСКАЯ БАЗА НА ЧЕРНОМ МОРЕ — СЕВАСТОПОЛЬ. В ЧИСЛЕ ПЕРВЫХ ГЕРОЕВ, ВСТУПИВШИХ В ГОРОД, БЫЛИ СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ В. СТОВБА И ГВАРДИИ МЛАДШИЙ СЕРЖАНТ А. СУКИЯСОВ. ОБА ОНИ — УЧАСТНИКИ ГЕРОИЧЕСКОЙ ОБОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ В 1941—1942 ГОДАХ. НА ЗАДНЕМ ПЛАНЕ: АРКА ИСТОРИЧЕСКОЙ ГРАФСКОЙ ПРИСТАНИ.

Фото С. Гуварий
Монтаж А. Житомирского

Фронт и тыл

Командир огневого взвода гвардии старший сержант Андрей Фаденев прошёл длинный боевой путь — от Сталинграда до Севастополя. Награждён медалью «За отвагу», орденом Красной звезды, орденом Отечественной войны I степени, медалью «За оборону Сталинграда».

Мастер воздушного боя Герой Советского Союза капитан П. М. Комозин. В боях за освобождение Крыма от немецко-фашистских захватчиков он сбил 10 вражеских самолётов.

В Н-ском полку прославился своими подвигами командир огневого взвода старшина Владимир Волков. За боевые заслуги он награждён орденами Отечественной войны I степени, Красной звезды, орденом Славы III степени и медалью «За отвагу».

Недавно Советское Информбюро сообщило о том, что в Финском заливе советский самолёт-торпедоносец потопил немецкий транспорт водоизмещением 5 тысяч тонн. На снимке: лётчик гвардии капитан Д. Досов, торпедировавший немецкий транспорт.

На шахтах треста «Ткибулуголь» (Грузинская ССР) широко известны имена лучших стахановцев-крепильщиков, отца и сына Кипшидзе, работающих на шахте имени Сталина. Они ежедневно выполняют по две—три нормы. На снимке: Кимоте Кипшидзе (слева), награждённый медалью «За трудовую доблесть», и его сын Александр.

Семь месяцев подряд среднесортному цеху Кузнецкого металлургического комбината имени Сталина присваивается звание «Лучший прокатный цех Советского Союза» и вручается переходящее Красное знамя Государственного комитета обороны. На снимке: один из лучших машинистов поста управления стахановка Татьяна Неверова.

Председатель колхоза «Кзыл Узбекистан», Орджоникидзевского района, Абдухамид Маткабулов (справа) приобрёл на 100 тысяч рублей облигаций Готьевого государственного военного займа и всю сумму внёс наличными.

На строительстве второй очереди Актобинского завода ферросплавов. Бригада слесарей-монтажников, добившаяся выполнения заданий на 200—220%. Слева направо: В. И. Зудин, С. В. Шепелёв и бригадир И. И. Сергеевич.

СЕВАСТОПОЛЬ

Вадим Кожевников

За две недели до того, как поплыть в Крым, я встречал в Баренцовом море караван американских и английских кораблей, тесно плывших как огромный железный остров в порт Мурманск...

Вечером в салоне транспорта собралась команда. Меня просили рассказать о Днепре, о Киеве. Я рассказал о том, какая это была трудная битва и сколько горя мы увидели в растерзанном немцами Киеве.

Моряки проделали тяжёлый рейс; они были хорошие ребята, и, конечно, им хотелось повеселиться на берегу. Поэтому я говорил коротко. Но, видно, я ошибся. Разговор кончился, а все сидели и не расходились, молчали, и только громко тикали хронометры и ещё какие-то приборы в лаковых стенах салона. Когда в стаканы налили вино, капитану корабля, как старшему, надлежало сказать тост. Сухощавый, седой, краснолицый, три четверти своей жизни отдавший морю, капитан корабля взял в руки стакан и сказал:

— Каждый из нас любит свою родину, каждый чтит свой народ, любит свою жену, своих детей. Приходя в дальний порт, моряки первый тост посвящают им. Но сейчас я предлагаю выпить за тех, кто сильнее всех научил нас любить свою родину, чтить свой народ, любить своих жён и детей: за русских моряков, защищавших Севастополь!

В Крым мы летели на скоростном бомбардировщике. Погода была скверная. Минувла облачность, самолёт шёл зигзагами. Мы горючили лётчиков, боялись, что опоздаем к событиям.

Аэродром в Джанкое, где мы приземлились, представлял собой свежее поле битвы. На линейках валялись немецкие самолёты, дымилась разбитая здания служб. В огромных воронках лежали трупы немцев.

В железный поток наступления мы попали сразу же, забравшись на первый грузовик.

После блистательного прорыва Перекопского, Ишунского и Сивашского плацдармов немцев, ворвавшись на Крымский полуостров, наши части узкими стремительными клиньями разрезали армию врага вплоть до южного побережья.

По обе стороны дороги валялись немецкая и румынская техника, боеприпасы, снаряжение. Навстречу нам тащились колонны пленных.

В зное пылающего крымского солнца, в лязганье танков и тяжёлом кашащемся шелесте орудий это зрелище представлялось праздничным — праздником победы.

Так, по прямому шоссе, мы добрались до отрогов горного кряжа, за которым находится Севастополь.

Ещё в то время, когда наши части только ворвались в Крым, немцы вывели на севастопольские высоты лучшие свои части. В течение двух лет они совершенствовали оборонительные сооружения вокруг Се-

вастополя, построили более 500 дотов и дзотов, к усиленным батареям, находящимся на оборонительных поясах, прибавили все те орудия, которые им удалось утащить с собой в бегстве к Севастополю.

Началась подготовка к штурму. Ломами, кирками наши солдаты выбивали в камне траншеи, орудийные капониры, потом шли на помощь к тракторам, которые скребли гусеницами крутизну скалов и не могли вытянуть вверх орудия. И когда машины выбивались из сил, люди оказывались сильнее их и на руках вытаскивали машины и прицепленные к ним орудия. Снаряды также носили на руках.

Всё это походило на картину гигантского строительства, если бы не чёрные разрывы немецких снарядов. Накануне штурма я был на наблюдательном пункте генерал-полковника Захарова, расположившемся на гребне зелёного холма. Отсюда были видны Северная бухта и белые здания города.

Я спросил генерала, когда, по его мнению, Севастополь будет взят. Генерал сказал:

— К 10-му числу город будет наш. Потом добавил: — Война — это борьба, а в борьбе возможны всякие неожиданности. Во время штурма Сивашского плацдарма нас в некотором роде подвели наши же бойцы.

— То есть как это?

— Операция была закончена раньше, чем мы планировали. Нам было учтено всё: необходимое количество орудий, боеприпасов, самолётов и так далее. Но наши солдаты так рвались вперёд, что победа пришла раньше, чем мы предполагали. Вы знаете, что такое для советского воина Севастополь и как горит у нашего бойца сердце, когда он стоит здесь, на подступах к городу-герою.

Генерал был прав. Бойцы знали, что такое Севастополь. Они знали, что 89 лет тому назад русские солдаты и моряки 349 дней и ночей защищали севастопольскую твердыню. Один миллион 350 тысяч ядер и гранат обрушили тогда осаждавшие армии на Севастополь, но защитники его остались верными своему долгу перед родиной. А в 1941—1942 году советские солдаты и моряки 250 дней и ночей защищали этот город, уничтожили на подступах к нему более 300 тысяч немецких солдат и офицеров, а в 25 дней последнего штурма севастопольцы разбили 250 немецких танков, 300 самолётов, 250 орудий.

Здесь совершили свой бессмертный подвиг пять моряков: Николай Фильченко, Василий Цыбулько, Юрий Паршин, Иван Красносельский, Даниил Одинцов. Обязав себя гранатами, они бросились под немецкие танки. Здесь шесть пулемётчиков: Рашко, Доян, Четвертаков, Погорелов, Еремко и Колосный — вели бой с батальоном немцев, уничтожили его почти целиком, сами погибли, но не сдали рубежа.

Когда наши бойцы вошли в Севастополь, над Северной бухтой ещё стоял дым пожаров. Бойцы спешили водрузить советский флаг над освобождённым городом. Десятки флагов развевались над зданиями Севастополя в первый же день его освобождения.

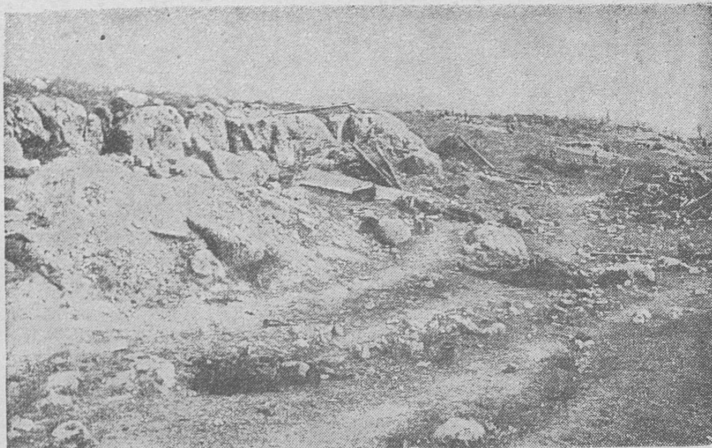
Первые советские воины на улицах Севастополя. Здесь мало уцелевших домов, да и те носят следы ожесточённых боёв: стены изрешечены осколками снарядов, окна и двери выломаны.

Немногие жители, оставшиеся в Севастополе, выходят из своих укрытий и бросаются навстречу нашим бойцам. Неизвестно, откуда в этом разрушенном, горящем городе у женщин в руках большие букеты сирени. Они дарят цветы советским бойцам, навсегда освободившим крымскую землю от наглых захватчиков.

Фото Н. Асияна

Так выглядят немецкие позиции под Севастополем: груды развороченных снарядами камней, обломки дзотов и дотов, трупы немецких солдат и офицеров.

Фото Н. Асияна

Не помогли немцам их укрепления, которые они строили в течение многих месяцев. Вот знаменитая Сапун-гора, в склонах которой немцы выдолбили сотни ячеек для пулемётов и орудий.

Фото С. Струнникова

СЕВАСТОПОЛЬ

Валентина Потемкина

Мой светлый город, ты изранен,
Но ведь остался белый камень,
Ещё горячий от огня,
Прибоя вечное движенье,
Как сердца милого биенье,
Вновь будет радовать меня.

Пусть мого не стало дома,
Пусть тополь мой у дома сломан, —
Он силу жизни сохранит.
И город славы — он бессмертен,
Могучим корнем врос в столетия,
А кроной в будущем шумит.

Войска приветствует столица,
И вся страна тобой гордится —
Урал, и Волга, и Кавказ.
А тот, кто в первых был сраженьях,
Кто знает горечь отступленья
И кто поклялся в грозный час,

Вернуться к городу в заливе, —
Сегодня нет его счастливей,
И нет милее ничего,
Чем опалённый этот тополь.
И нет отрадней для него.
Родного слова — Севастополь.

Великий Сталин высоко оценил мужество защитников Севастополя. Он сказал:

«Самоотверженная борьба севастопольцев служит примером героизма для всей Красной Армии и советского народа».

Теперь ясно, с каким чувством пошли наши воины на штурм укреплений врага у Севастополя.

Штурм начался 7 мая, в 9 часов утра. В этот час над немецкими укреплениями поднялась чёрная туча дыма, и она висела там все три дня, не рассеиваясь, и висела ещё один день, когда Севастополь был уже наш.

Советская авиация ни днём, ни ночью не покидала неба над Севастополем. Бомбовые залпы сливались с артиллерийскими, создавая впечатление, будто рушатся горы.

И где бы вы ни находились, дорогу на Севастополь не нужно было спрашивать. Грозный рёв артиллерии был слышен, и чёрный столб дыма виден отовсюду.

Бойцы штурмовых групп гранатами, пакетами толпа разбивали доты и дзоты, расположенные на многоярусных террасах, по склонам высот.

И как защитники Севастополя, презирая смерть, совершали чудеса, так и его освободители в дни штурма презирали смерть.

Комсомолец Цыбунский по скалам взобрался к подножию дота и стал забрасывать дот гранатами. Но ему не удалось разрушить его толстых каменных стен. Тогда Цыбунский приполз к стенам дота, ухватился руками за торчавший из амбразуры раскалённый ствол немецкого пулемёта, чтоб отвлечь огонь от своих товарищей. Цыбунский погиб, но рота его прошла, и одной из первых она поднялась на вершину Сапун-горы, овладев ключевой позицией немецкой обороны. В это же время гвардейские части, наступая с севера, прорвались к побережью Северной бухты и, выкатив на берег орудия, начали расстреливать самоходные баржи противника, на которых немцы думали спастись бегством.

На рассвете мы уже ехали по дороге через Сапун-гору в Севастополь.

Все горы вокруг были зелёные, только одна среди них, Сапун-гора, стояла в пыльном мареве, голая, белая. Она была вся избита снарядами, бомбами, гранатами. В закопченных от разорвавшихся гранат пещерах, в глубоких траншеях, под осыпавшейся каменной почвой, лежали трупы немцев. Казалось, гора эта своим камнем сама убивала их. И вся она походила на гигантский дот, где на каждом десятке метров были каменные ячейки, в которых сидел враг. Его нужно было выковырять из камня или замуровать в нём навеки.

На срезанной вершине Сапун-горы, откуда простирается вид на Севастополь, колыхались на ветру десятки красных флагов, водружённых теми, кто первый в бою поднялся сюда.

Севастополь, несмотря на жестокие разрушения был всё-таки прекрасен, величие и гордость этого города-героя, казалось, запечатлел сам опалённый камень его.

И понятно, с каким благоговением обходили бойцы исторические места, навсегда связанные со славой народа. Безмерно уставшие после жесточайшей битвы, они всё-таки шли на высоты, где среди остатков Исторического бульвара возвышался купол разрушенного немцами здания Севастопольской панорамы. Они шли на Малахов курган, шли и туда, где были в старых бастионах советские солдаты и моряки в 1941—1942 году.

Наши бойцы отдавали дань двойной славе города. Они не думали о третьей славе, которой они сами своим штурмом на века увековечили этот город. Над зданием морского вокзала, над Графской пристанью уже реяли флаги военно-морских сил СССР. В Севастопольской бухте, к разбитым причалам, подошли первые катера — «квартиреры» Черноморского флота, которому возвращена родная, исконная гавань.

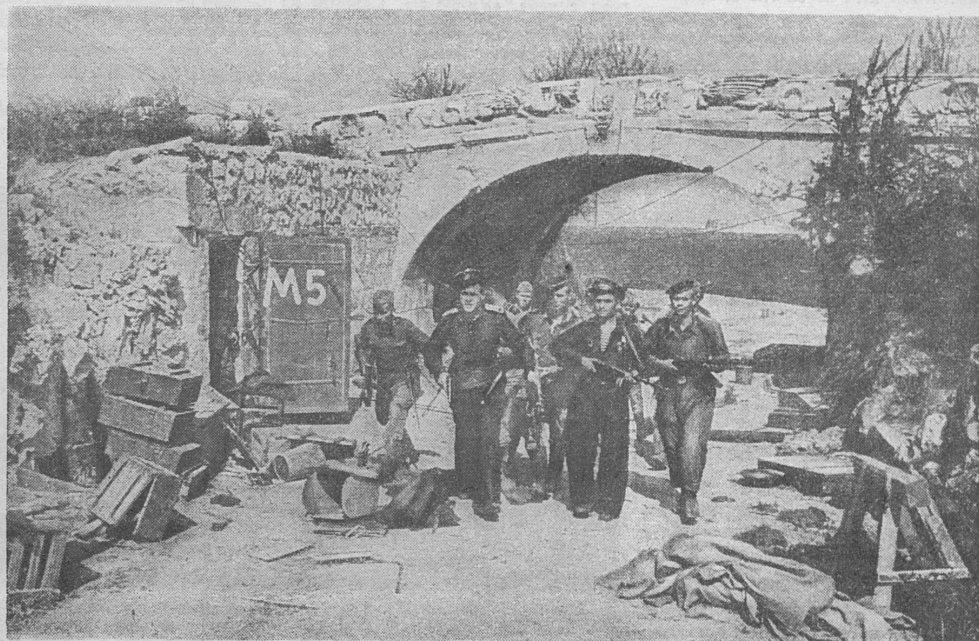
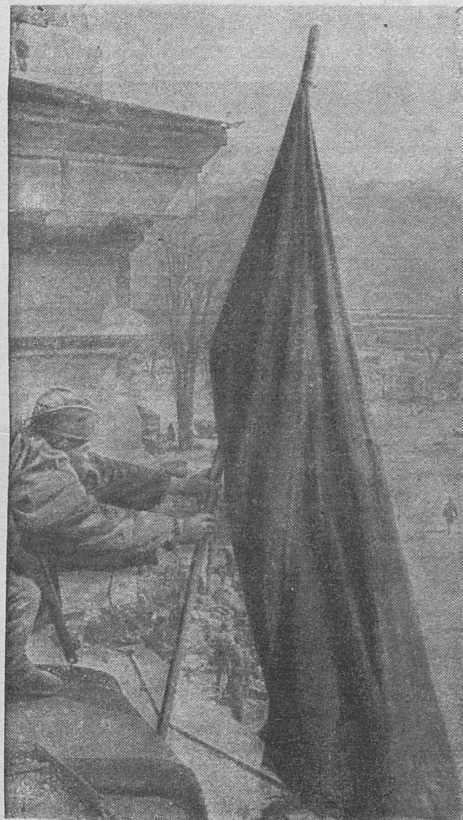
Немцы хотели удержать Севастополь во что бы то ни стало. Накануне штурма из Константины на самоходных баржах и транспортных самолётах прибывало свежее подкрепление.

Ну что ж, советская армия дала новый урок гитлеровцам! Она была в чистом поле, била, прижав к берегам великих рек, разбила их в горах Крыма. Долго будут немцы помнить Севастополь! Имя этого города будет многие поколения немцев тревожить кошмаром. Так русские солдаты и моряки отомстили немцам за Севастополь.

В ОСВОБОЖДЕННОМ СЕВАСТОПОЛЕ

Груды развалин—это всё, что осталось от некогда красивейших домов Севастополя. На верхнем снимке показаны улицы Ленина и Карла Маркса. Вдали виден дым пожаров, поднимающийся над Южной бухтой.

На здании вокзала водружается красное знамя (снимок слева). Бойцы морской пехоты у арки, на Приморском бульваре (снимок справа).

Немецкие укрепления на одной из площадей Севастополя (снимок слева). Разрушенное немцами здание Исторического музея (снимок справа).

Фото Е. Халдея и Б. Вельяшева (ТАСС) и С. Гуария.

РОДНАЯ МОЛДАВИЯ

Б. Полевой

На днестровской круче, где военная дорога, петляя между серыми скалами, осторожно сползала к реке, где колонны грузовиков сворачивали в прибрежный лесок ждать своей очереди переехать великую реку, услышал я этот солдатский разговор.

К костру, на котором в закопченных котелках бойцы маршевой роты варили, по местному обычаю, мамалыгу, подошли два направлявшихся в тыловую госпиталь раненых. Один — высокий, дочерна загорелый, уже пожилой и усатый, с забинтованным плечом, другой — с перевязанной рукой, тоже высокий, но стройный и тонкий, с весёлым лицом и с чубом пшеничного цвета, лихо развевающимся из-под кубанки. К раненым люди этой войны всегда относились с особым уважением. Им уступили лучшее место у костра — с наветренной стороны, чтобы дым не ел глаза, пригласили на мамалыгу, уже клекотавшую в котелках, а для паренька с повреждённой рукой заботливые пальцы лозко скрутили толстую папироску.

— Где ранены, ребята? — завёл разговор сержант из маршевой роты.

— А там, за Днестром, — ответил чубатый. — Ох и выпали же мы ему там! Он было упёрся. Как же, не охота ему, сукину сыну, молдавскую землю отдавать! Ну мы ему и дали! Так дали, что он век помнить будет...

— Н-да! Выпали изрядно, — подтверждает скупой на слова усач, жадно затягиваясь махорочным дымом. — Вот досада только — ранили: Кишинёв поглядеть не удастся. Знаменитый, говорят, город...

— Ну, а что там за народ, за Днестром? Какие они? — спросил сержант, и по тому, как сразу сдвинулись бойцы вокруг костра, как наклонили головы к раненым, стало ясно, что этот вопрос всех интересует, что бойцам маршевой роты, шагающей на пополнение частям, сражающимся за Днестром, не терпится поскорее здесь, на границе Украины, узнать о Молдавии и молдаванах.

— Народ? Народ ничего... хороший город, свой, советский, — задумчиво, взвешивая слова, говорит усатый. — Они, бессарабцы, в нашей, можно сказать, семье только год жили, а по всему чувствуем: свои, родные. Даром что по-русски не говорят... А уж как они нас ждали! Как встречают!.. Заночуешь у них — не знают, куда посадить; всё, что есть в избе, на стол тащат... Бедные они: румыны и немцы их вовсе обобрали, как липку ободрали, но с нашим бойцом последним куском поделаются и обыжаются, если не берём.

— Когда наш полк Днестр форсировал, они что сделали? — прерывает рассказ молодой. — Ещё бой идёт, положение, можно сказать, серьёзное. Румын и немцев от реки отбили, а

они отошли от берега, да на высоту, да оттуда из артиллерии шпартят... А у нас артиллерия ещё на переправе, нечем ответить. А они, эти бессарабцы-то, толпой нам навстречу, крестным ходом к берегу идут, бабы от радости плачут, яблоки, груши сухие нам в карманы суют. А немцы что? Они видят, стервецы, что это мирные, да сверху по толпе-то осколочными. Ненавистно им, гадам, что нас этак-то хорошо встречают. Известно: осколочные, они своё сделают. Несколько женщин убило, понаранило. У нашего эскадронного кровь загорелась, аж скулы заходили. Шашку вырвал, на стременах встал. «За женщин, за детишек малых!» — кричит. И понеслись мы ложиной. Холмик тот обошли да с тыла на батарею, как град с неба. «Ур-р-а-а!». Каждый из нас только что видел, как они по толпе мирных людей осколочными дали.

Парень делает резкое движение правой рукой, желая показать, как рубил он немцев; бледнеет, морщится от боли и смолкает, прикусив губу.

— Тут как-то в одной деревне нас на ночь на постой по хаткам поставили, — продолжает усатый. — Нас человек шесть к старикам одним угодило. Бедные, хатка маленькая, покосившаяся. На дворе пусто: немцы последнюю корову увели и кабанчика сожрали. Так старик яму в огороде откопал, куда от немцев добро прятал, вытащил мешок муки, последний, да давай нам мамалыгу варить. Мы ему говорим: «Оставьте это, дедусь, себе. Мы сыты, с нами кухня едет. Кормят нас, дай бог». А он, он маленько по-нашему, по-русски, понимал, мотает головой: «Нельзя, кровно обидите. Мы, — говорит, — вас ждали, ждали, да чтобы не угостили!» А

ночью что было! Они, старики-то, шинели наши собрали; за ночь-то старуха всё перечистила, перештопала, где у кого что дырявое было, портянки перестирала, утром чуть свет встала, на печке высушила. Завтрак нам сготовила: «Кушайте, не общедуйте, что несладко кормлю». А потом, когда надели мы эти чистые наши шинели, на которых пуговицы были на месте, каждая петелька закреплена, чужем, что-то в кармане есть. Сунули руку — ба! У кого семечки, у кого изюм. На дорогу, значит!.. И каждый из нас мать родную и жинку вспомнил. Хорошие люди!..

Усач смолкает, морщится, большой и грубой рукой тихонько отирает повлажневшие глаза, делая вид, что подавился махорочным дымом. У костра становится тихо. Слышно, как булькает в котелках мамалыга, как поют на третьей скорости моторы спускающихся с гор машин, как звенят жаворонки в чистом, голубом, бездонном небе.

Губастый кавалерист достаёт из кармана гимнастёрки вышитый батистовый носовой платочек, завернутый бережно в бумагу:

— А это мне одна девушка подарила... Молдаваночка... Марой звать... Раз стояли мы на виноградниках у большого села. Там боярское поместье было. Так вот боярин-то румынский, понятно, бежал, а виноградники бросил. А ведь весна, виноград ухода требует. Вот люди из того села сами организовались и на виноградники боярские вышли. Так вот девушка эта Мара... Они всё нас просили песни им наши петь. Ну я пел «Тёмную ночь», «Землянку». Долго сидели. А потом мы их до дома проводили. Простились. Она мне говорит: «Погоди, солдат». Забежала в хату, несёт платок вот этот. На память... Хорошая девушка!.. И земля там хорошая. И люди хорошие.

— Да, люди хорошие... родные... наши... — говорит усач. — А уж немцев, румын не любят. У-у-у! Молодёжь всё командиров ловит: прими да прими в армию. Да и старики тоже. Им говорят: «Погодите. Придёт время, кого полагается, призовут», — а они своё: «Примите. Хотим врага из Бессарабии сами гнать!»

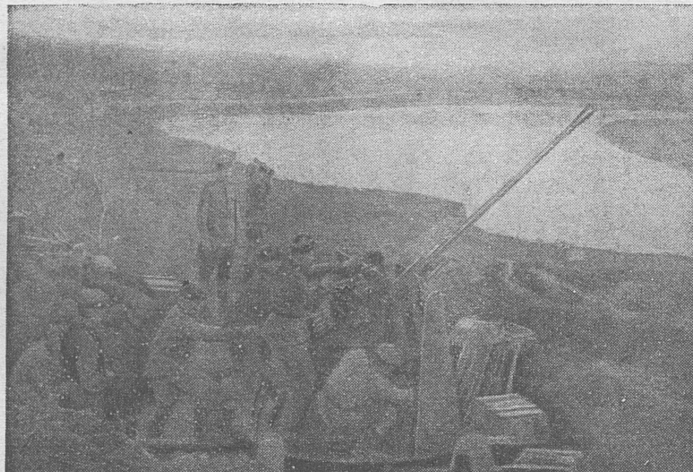
— Эй, раненые! Машина идёт на Уманы! — кричит с горки регулировщица...

Раненые встают. Торопливо прощаются:

— Спасибо за компанию!..

У костра некоторое время молчат, потом один маршевик, точно подводя итог беседе, задумчиво говорит:

— Вот поди ж ты! Народ какой хороший! По-русски не говорят, а родные!..

Зорко следят за небом зенитчики г-ской части. Ни одному вражескому самолёту не удастся сбросить бомбы на переправу через Прут (верхний снимок). На нижнем снимке: группа молдавских партизан. На их боевом счету 12 тысяч убитых немецко-румынских захватчиков; пущено под откос 274 эшелона, взорвано 37 железнодорожных мостов.

Фото лауреата Сталинской премии А. Кричевского

Кто знает, может быть, южнее этого места вовсе нет в нашей стране берёз и эти две берёзы — последние по пути на юг. Нельзя без удивления глядеть на них здесь. Ну разве мог ветер донести сюда семена? Сотни вёрст они должны были лететь над степью и упасть возле могучих буков. Нет, сюда приходил неизвестный человек, шутник или мечтатель. Он посадил две берёзки, одну против другой, и они подились, как ворота на краю букowego леса. Может быть, он, неизвестный человек, не хотел забыть о севере, откуда был родом, и оставил себе здесь памятку. Берёзки выросли невысокие и не очень стройные, но ослепительные, словно с них не сходил роса.

Подросток, который в прошлую весну однажды подошёл к этому месту, застыл от удивления. Никогда он не видел прежде таких деревьев и не знал их названия. Он не заметил, как из-за толстого бука вышел человек с винтовкой наперевес:

— А ну, малый, кто ты такой?

Подросток поднял руки:

— Мишка я.

На свист показались ещё два вооружённых, и подростка повели в глубь леса.

— Я верю, что ты Мишка, — говорил невысокий худощавый человек, должно быть, старший среди этих людей. — Но расскажи, как ты нашёл сюда дорогу.

Улыбаясь одними глазами, он внимательно глядел на Мишку.

— Мне дед Акифий про берёзки сказал, — ответил мальчик и назвал свою фамилию.

Командир отряда обнял Мишку:

— Петрушина сын? Вот ты какой! Черныш маленький. Теперь вижу: похож.

Год назад Семён Петрушин — отец Мишки — один выдержал бой против группы немцев. Три часа он отстреливался от них. Автомат ему перебили пулей, а маузер Петрушин обернул в портянку: нельзя было взяться за рукоятку. Раненый, он не смог уйти и был разорван немецкой гранатой.

На другой день в деревне немцы убили жену Петрушина. Мишка и два его малечьих брата остались целы потому, что были в это время на реке.

Домой они не пошли: соседская девчонка успела предупредить их. Мишка увёл братьев в лес. Год он прятал их по деревням. И год не забывали о них немцы. Вдогонку за ними посылались конные разъезды, ребят искали повсюду, где стояли немецкие гарнизоны. Партизанские семьи истреблялись немцами целиком, и офицер-каратель получил выговор за то, что упустил троих ребят.

За этот год у Мишки обострилось чувство опасности, он повзрослел лет на десять. Братьям — шестилетнему Сашке и восьмилетнему Кольке — он был отцом и матерью. Он их купал, как медвежат, в реке, стирал песком их бельишко, если надолго приходилось отрываться от жилья. От частых детских жалоб защищался преувеличенной суровостью, а изредка и подзатыльником.

— Мишка-а! — тянули уставшие братья. — А чего мы из деревни ушли? Остаться бы там, поспать.

— Ну-ну, не хнычь, шагай!

— Мишка-а, а чего немцу от нас надо? Мы ж маленькие.

— Молчи, говорю. Он те скажет, чего ему надо! Маленькие!

— Холодно, Мишка. Вода, гляди, стынет.

ПОСЛЕДНИЙ ИЗ СЕМЬИ ПЕТРУШИНЫХ

С. Марвич

Рассказ

Рисунок Б. Шатилова.

— В яму соломы набросаю. Согреется.

Три раза за год грохотом оживали эти поля. Немецкие танки с орудийными прицепами ползли к кромке букowych лесов. Мчались грузовики с пехотой. За версту от леса солдаты пристёгивали к распалённой голове каски. Танки с хода стреляли в лес, шли вдоль кромок. Потом в лес входила пехота. Появлялись самолёты, скользили над вершинами.

А далеко от этого места в сторону леса глядели пытливые глаза троих затерянных в степи ребят. И так было значительно то, что происходило впереди, у леса, что меньшие братья спрашивали шепотом:

— Ми-инь, а зачем они там зажгли?

— Хворосту навалили, зажгли, чтобы там партизаны не прорвались, — объяснял Мишка. — Думают, что от дыма партизаны на их цепь не побегут. Хитрые, а дурные. Весь лес не пожжёт: ему и конца нет!

Мишка и его братья нередко оказывались в немецком кольце. Но братья, как мыши, шныряли по балкам и промоннам, и немец, занятый бесплодной борьбой с молчаливым букowym лесом, не видел их.

Так ребята прожили год. Ели что попало, промокали в ненастье, отогревались на солнце. Порвалась одежда, распозлились сапоги. Частенько хворали Сашка и Колька. Мишка всё колесил с ними от деревни к деревне, не уходя далеко от леса, но и не приближаясь к нему. Так больше жить нельзя было. Меньшие не вынесут. Там, в лесу, было их спасение, а может быть, гибель. Отец приходил оттуда. В лесу его отряд. Но где? Как его найти? В какую сторону пробираться? Говорят, что лес идёт на

сотни километров. Выдержат ли братья? Там и корки не найдёшь.

Мишка не знал, как поступить. Яростно запуская пятерню в волосы, он говорил сам с собой:

— Ну, куда, куда приткнёшь сирот?

Мишке были все четырнадцать лет. Он спокойно думал о том, что немцы решили его убить. Что ж, если удасться, и он убьёт немца. Будь он тогда вместе с отцом, он также отстреливался бы три часа. Но когда Мишка думал о том, что немецкие солдаты ищут Сашку и Кольку, у него закипала кровь. Вот братья спят в яме, чтобы согреться, они прижались к нему, как ягнята к матке, и смешно так поспыивают носом. И таких-то убивает немец! За что? Братья спали. Мишка глухо стонал и скрипел зубами:

— Ох, попадись вы мне!

После мучительных раздумий Мишка решил спрятать братьев у дедушки Акифия, материнного отца. Это, правда, не так далеко от родной деревни, куда нельзя больше показаться, но, может, немцы забыли про них, может, дедушка Акифий чего надумает. Долго он вёл братьев в обратную сторону и привёл больных.

Дедушка и обрадовался им — он не знал, живы ли внуки, — и встревожился. Когда братья уснули, старик сказал Мишке:

— Вот что... Ты теперь большак в семье. На тебя их надежда, а на меня плохая. Немец за мной смотрит. Он здесь бывает. Кабы ноги были у меня здоровые, я бы сам ушёл. Ступай-ка, ты, парень...

И дедушка открыл Мишке тайну. Он сказал ему про берёзки, про то, как можно найти отряд, в котором прежде был мишкин отец. Партизаны

часто наведывались к дедушке. Да и сам он, пока хватало сил, ходил к ним.

— Ты, парень, не мешкай! Тебе Сергей, партизанский начальник, поможет. Семейству Петрушиных... Как же!..

Они ещё долго шептались.

— Партизаны дадут тебе коней, у них есть. Повезёшь туда мальцов. А оттуда, слышать, даже самолёты на Москву бьют.

Мишка пошёл один. Командир отряда дал ему коня, дал провожатого, тоже на коне. Мишка отправился за братьями.

Вернулся он в отряд с лицом, серым от горя, с блуждающими глазами, слез с коня, упал на землю, забился в безумном плаче.

Сергею рассказал провожатый:

— Налетели немцы. Всего час пробыли там. И Акифий убили. И мальцов тоже. Да ещё десять человек. Мне женщина говорила одна, видела, как убивали. Тяжело это сказать, Сергей, а всё понимали ребята в последнюю минуту. Поняли, что немец не зря винтовку снимает, не попусту грозит, что смерть пришла. Вот только слова ребята были. Младший, как пихнули его к плетню, сказал: «Дурак ты, немец, дурак!» Сам бледный, а глаза горят.

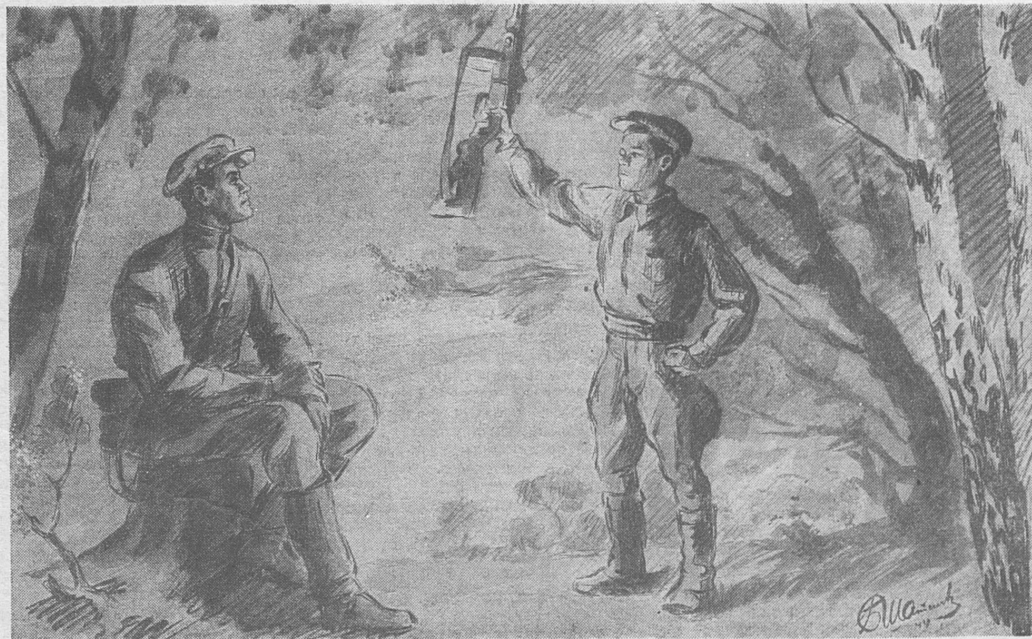
Два раза за тот год плакал Мишка: когда убили братьев и когда командир отказался послать его в бой.

— Нет, не проси, — говорил Сергей. — Не позволю.

И с грустной лаской гладил его по чёрным волосам:

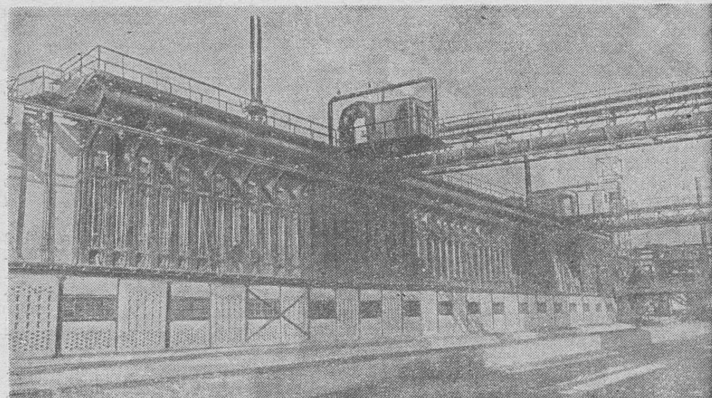
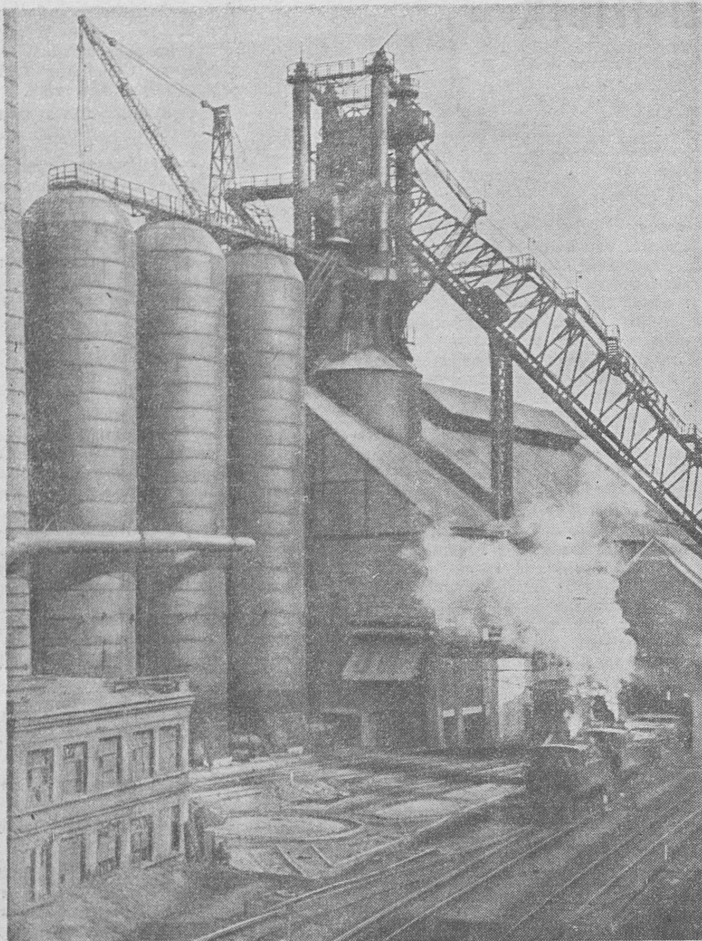
— Не проси, последний Петрушин! Хотя и ничего не говорил о тебе отец, но считаю теперь, что поручил он мне тебя. Пока отдохни. Забывать ничего не забывай. Но успокойся.

Успокоиться — это было труднее всего. Братья всегда стояли перед глазами. Мишка наяву видел, как немец, потный, красный от возни, тащит их, слабых и больных, из избы,

— Говоришь, что мал я ещё? — жаловался Мишка Сергею. — А куда попустишь немца бить, их всех выгонят. Я своей рукой хочу!

НОВАЯ ДОМНА ВСТУПИЛА В СТРОЙ

На Ново-Тагильском заводе пущена домна № 3, построенная по последнему слову техники в короткий срок. Одновременно введена в эксплуатацию и коксовая батарея. Товарищ Сталин поздравил тагильских строителей и металлургов с вводом в действие этих мощных агрегатов и пожелал им дальнейших успехов в их работе.

На снимках: слева — доменная печь № 3; справа, сверху, — строители домны трёхсотники-монтажники С. Хачаев, бригадир Х. Туменов, М. Макитов, А. Мизиев, И. Афашуков, Ю. Кавгаров, И. Датчиев и И. Ханаев; внизу, справа, — общий вид новой коксовой батареи.

Фото Ж. Берланда (ТАСС).

швыряет к плетню, наводит автомат. А у плетня умирает дед.

— Говоришь, что мал я ещё? — жаловался Мишка Сергею. — А поку-да пустишь немца бить, их всех выгонят. Мне и не придётся. Я своей рукой хочу!

— За тебя есть много рук, Мишка!

— Да ты посмотри, как я стреляю!

И точно сажал пулю за пулей в голову туча, которое он сделал похожим на немца.

— Назначая тебя помощником радиста, — сказал однажды Сергей.

Мишка сразу повеселел и ответил, как боец:

— Есть, товарищ командир!

Сергей похвастался его самолюбием. Работа у Мишки была несложная: он лазал на дерево укреплять антенну, сметал пыль с аппаратуры, оберегал её от сырости. Но ему очень нравилось называться помощником радиста. Его тяготило то, что до сих пор он был только приёмным в отряде, которого пригласили в память об отце.

Далеко вокруг этого места «помощник радиста» наладил свою сеть точек. Мишка записывал то, что принимали из Москвы. Ночами не смыкая глаз, размножал это на четвертушках серой или какой попадётся бумаги, затем уходил из леса.

Сутки спустя Мишка, усталый и довольный, как на маяк, шёл к двум берёзкам и сообщал дозорному:

— Пошло работать сарафанное радио.

Так он называл женщин, которым в деревнях передавал свои листки.

За это время Мишка окреп, с лица вовсе исчезли горькие складки, которые делала его по виду на много лет старше. Разведчики, подрывники, по несколько дней не бывавшие в отряде, говорили, что мишкино радио расходит далеко. Однажды за сто вёрст от своего леса они увидели серый листочек, побывавший во многих руках, много раз сложенный и разглаженный, протёршийся на сгибах. Люди передавали его друг другу. Это была газета «Помощник радиста», проникшая через шоссейную дорогу, где днём и ночью ходили немецкие броневики, через мост, неподалеку от которого немцы ставили пулемёты.

Ничто не могло задержать мишкину газету. Она появлялась на базарных площадях, на щитах, где вывешивали свои приказы немецкий комендант. И люди прятали радостную улыбку, останавливаясь у щита. Ведь это были вести с родины, газета, пропущенная, как знамя, сквозь смертельную опасность. Но кто он, бесстрашный человек, который пробирался с нею сюда?

Вскоре это узнали, и о Мишке заговорили на сотни вёрст вокруг.

Это было 1 Мая. Всю ночь в своём шалаше радист дежурил у аппарата. Не раз ночью подходил к шалашу Мишка. Он молча останавливался у порога и либо тотчас уходил либо брал свёрнутую в трубочку записку.

Наутро Сергей назначил смотр отряду. И все хотели встретить праздник подтянутыми, чтобы каждая пуговица была в порядке. Пусть всего полсотни людей соберётся здесь и ни один гость не придёт в буковый лес. Но это праздник. И потому было в полном порядке платье, до блеска начищено оружие и на один день пришта красная ленточка к фуражке.

Радиста освободили от всех хлопот. Тозарищи почистили за него оружие, а ленточку к фуражке пришила санитарка Гаши. Из Москвы волна донесёт дорогие слова. Пусть же радист не пропустит ни одного!

На заре радист окончил сталинскую вахту. Первомайский приказ был принят полностью. Радист передал Сергею густо исписанный блокнот.

Мишка, который всю ночь бегал к реке, тоже сдавал теперь свою работу. Три плота, узкие, с волнорезом на конце, стояли у берега. Под утро к ним присоединился четвёртый — маленький. Всю ночь вязали их партизаны. А Мишка при свете костра писал краской огромные буквы на белых полотнищах. Это он придумал такие плоты. Пусть в майский день дойдёт до землянок заветное слово из Москвы. Пусть и у них будет праздник. И на заре плоты тронулись в путь. Четвёртый спустился через полчаса.

Ровно в десять часов утра, когда солнце стало пробираться в чашу леса, Сергей вышел из землянки. Вглу-

бокой тишине он прочёл приказ Сталина. А когда окончился короткий смотр и начался партизанский праздник, блокнот радиста стал переходить из рук в руки, — люди снова по очереди читали вслух первомайский приказ.

После обеда сели в кружок. Зазвучала песня. И казалось, она на крыльях улетает отсюда в воздушные просторы и ветер донесёт её туда, где горько страдают родные люди, где человек не рад ни солнцу, ни голубому небу. И встрепенутся братья, услышав этот голос, и разгорится надежда в их сердцах.

Мишка сидел как завороженный. И его песня подхватила с собой на крыльях и унесла далеко-далеко. Он видел, как идут по реке его плоты. Алые полотнища стоят на них, как паруса. И с берегов видны заветные слова. И люди провожают их долгим взглядом.

Три плота идут по высокой воде. Вокруг весенняя, ласковая степь. Мишка вдруг видел себя в ней, увидел братьев, которые лынут к нему. Сердце у него сжалось. Но вот она, память о них. Проплывёт четвёртый плот. На полотне Мишка написал: «Месть убийцам братьев моих, Саши и Коли!» Пусть же знают люди, делавшие с ними куском хлеба, укравшие малышей, что последний из семьи Петрушиных жив, что это он доносит к ним голос родины, что скоро они встретятся.

ГЕРЦА—ДОРОХОЙ

Репортаж специального корреспондента «Огонька»
Б. Цейтина.

Наша машина мчится по направлению к государственной границе с Румынией. По обочинам дороги валяются в пыли разбитые немецкие танки, орудия, грузовики, повозки. Попадаются и совсем исправные танки и машины, брошенные немцами при поспешном отступлении. Фронт отодвинулся далеко, но всё здесь ещё говорит о недавних жестоких сражениях, развернувшихся на подступах к границе.

Мы останавливаемся в небольшом пограничном городке — Герца. Сиротливо чернеют трубы среди развалин домов, всюду запустение и мёртвая тишина; на улицах безлюдно, не встретишь ни одного жителя. Отступающий враг сжёг этот маленький городок.

Подъезжаем к румынскому городу Дорохой. Здесь жизнь уже вошла в обычное русло. Рано утром появляются дворники и старательно метут улицы. Идут хозяйки на базар, мужчины спешат на работу. В кабинете примара (городского головы) Дорохой происходит совещание представителей Красной Армии с румынскими властями. На снимке справа вы видите коменданта города майора В. Черняева (второй слева), беседующего с префектом уезда Дмитрием Кирьяком и примаром Василием Ловинеску.

Группа румынских ребят встречает проходящие части Красной Армии, приветствуя с детской непосредственностью наших бойцов и командиров. Румынские крестьяне вышли на поля и занялись севом. Здесь не имеют представления о современных, передовых методах обработки земли, о тракторах, о комбайнах, сеют вручную.

МАСТЕРА ТЕАТРАЛЬНОГО ИСКУССТВА

На основе пьесы Кропа «Глубокая разведка» режиссёру народному артисту РСФСР Кедрову удалось создать замечательный спектакль. Режиссёр привлёк к сотрудничеству крупных мастеров: лауреата Сталинской премии композитора Хачатуряна, заслуженного

неца, с вражеским охвостом в лице инженера Мехти советские люди побеждают. Таков сюжет пьесы.

Только труд всё побеждает. Только он приносит настоящее счастье — это идея пьесы. Заслуга коллектива МХАТ в том, что он донёс до зрителя это чувство радости труда и победы.

Артист Топорков, исполняющий роль геолога Мориса, создал прекрасный образ подвижника труда. Для него не существует личного счастья, комфорта. Его не любят бюрократы и тупицы за беспокойный характер, называют сумасшедшим. «Пусть, пусть... лишь бы добыться нефти, лишь бы дело ладилось». Это фанатик труда. Он влюблён в своё дело. Он философ и человеколюб. Это рыцарь труда. Свой труд и свою жизнь он несёт людям. «В каждом городе есть свой сумасшедший, считайте меня сумасшедшим нашего посёлка, но не мешайте мне работать!» — кричит неутомимый Морис. Но зрителю ясно, что Морис в здравом уме, что он прав и не прав его противники.

Образ коммуниста-специалиста раскрыл артист Болдуман в роли Майорова. В палантильной интерпретации Болдумана образ инженера-коммуниста приобрёл типические черты. Майоров-Болдуман действует как коммунист, живёт полной духовной жизнью. Он любит, страдает, сомневается. У него есть слабости, с которыми он борется. Он умеет сочетать чувство долга с чувством дружбы. Он умеет воспитывать людей, мобилизовать их на преодоление трудностей, на борьбу с врагом. Болдуман нашёл тончайшие нюансы для передачи богатства души нового человека.

Люди, подобные Майорову и Морису, могут подчинить не только пустыню, — они переделывают сердца человеческие, вскрывая в них самые плодоносные глубины.

«Глубокая разведка». Слева: Майоров — заслуженный артист РСФСР М. Болдуман; в центре: геолог Морис — народный артист РСФСР В. Топорков; справа: инженер Мехти — народный артист РСФСР М. Прудкин.

Фото М. Сахарова

Что же касается отрицательного персонажа, который, как правило, больше удавался нашим драматургам, то тип инженера Мехти Ага подан артистом Прудкиным по-новому, свежо. Внешне это как будто обаятельный мужчина и даже искренний человек. Он любит жизнь и не скрывает этого. Он выдержан, скромен, но в каждом его движении сквозит еле уловимая фальшь. В том, как Мехти прячется за спину Андрея, когда его уличают в тёмных проделках, в том, как он, даже уличённый в обмане, плутовстве, лжи, не теряет, а разыгрывает «оскорблённое благородство», — во всём этом сквозит затаённый, скрытый враг, человек в маске. Он ловко играет в жизни. И только зоркий глаз большевика Майорова подмечает в нём врага.

Прудкин рисует именно ловкого врага, способного на всё. Скрытая ненависть Мехти ко всему советскому прячется под маской простодушия и оптимизма. Рисунок получился филигранный, точный, живой. Жест артиста скуп, сдержан, но очень выразителен. Игра построена на светотени, без резких контрастов, серьёзная, темпераментная, зрелая.

Остальной коллектив также на большой исполнительской высоте. Найдены общий язык и правильный тон. Хороши образы Гуляма (артист Эзов), Марго (артистка Попова), чернорабочего-азербайджанца Газанфара (Хощанов), да и обо всех других исполнителях можно сказать много хорошего. Умело организовав творческое содружество мастеров, режиссёр Кедров создал очень хороший спектакль.

А. Бегичева

Народный артист РСФСР М. Н. Кедров.

деятеля искусств художника Татлина, удачно распределил роли среди первоклассных артистов театра и повёл спектакль в правильном, оптимистическом ритме.

Действие происходит в посёлке нового нефтепромысла, в горячей пустынной Апшеронской степи. Мёртвая пустыня, но в ней уже трещит жизнь: сюда пришёл человек. Он бурит её пески, ищет её подземный клад — нефть. Солнце радуется человеку. Человек радуется жизни.

В пустыню пришли энтузиасты — разведчики нефти: геолог Морис, инженер Майоров, буровой мастер Адрьянов, рабочий Газанфар, рабочий Гулям. Они горячо верят в успех дела. В борьбе с трудностями, природой, бытовыми неудобствами, с бюрократизмом тупиц, вроде коменданта посёлка, и, нако-

«Глубокая разведка». I акт. Слева направо: комендант — артист Жильцов, геолог Морис — Топорков, инженер Теймур — Дубов, инженер Мехти — Прудкин, инженер Майоров — Болдуман.

Фото Б. Фабисовича.

ТРИ СИМФОНИИ

Дмитрий Шостакович.

Гавриил Попов.

Арам Хачатурян.

Восьмая симфония Дмитрия Шостаковича, вторая симфония Арама Хачатуряна, симфония «Родина» Гавриила Попова — три выдающихся новинки советского музыкального творчества.

Восьмая симфония была написана Шостаковичем через полтора года

после Седьмой. Их трудно рассматривать в отрыве друг от друга. В Восьмой симфонии наша своё продолжение заложенная ещё в Седьмой благородная мысль: в дни беспримерной борьбы и неслыханных бедствий высшее назначение красоты — отдать себя делу победы человека над зверем, света над тьмой.

Та же, но иначе высказанная мысль господствует во Второй симфонии Хачатуряна. В его новой симфонии есть и душевная настороженность, и скорбь, и неудержимое ликование. Всем сердцем приступается чуткий художник к бушующему вокруг него урагану. К солнцу, к счастью, к торжеству жизни устремлена его музыка. И тема колокола — музыкальный эпиграф ко всей симфонии, — в начале произведения звучащая тревожно, в заключении раскрывается как символ народной победы.

Симфония Гавриила Попова «Родина» — большая удача композитора. Первая часть — вступление, названное композитором «Запев», — по-русски широкая и мужественно-раздольная оркестровая песня. Вторая часть — народный пляс. В третьей части, медленной и полной горестных раздумий, композитор переводит слушателя в сферу мыслей и чувств нашего времени. Это драма войны. Финал симфонии — торжество нашего правого дела.

Разными путями идёт советская композиторская мысль к воплощению тем и образов нашего времени. Она ищет новых, самостоятельных творческих решений. Но цель всех этих поисков одна — восславить средствами искусства благородные идеалы, вдохновляющие советский народ на его пути к победе.

Д. Рабинович

НАРОД И ЕГО ДУМЫ

Герой эстонского богатырского эпоса Калевипоэг строит мост через Пейпус-озеро. Это символ исконной дружбы эстов с русскими. Затем Калевипоэг срубает пограничный дуб, символизирующий разделение этих двух народов.

В песнях литовцев поется: «Русское войско путь преградило, поле для немцев стало могилой». Это — уже прямое свидетельство братства народов Литвы и России, их единства, которое не могли сломить никакие происки врагов.

«Находили тучи с запада грядою», — поется в литовской даине о нашествии немцев. Немецкие хищники-крестоносцы и их потомки в течение почти семи веков чёрной тучей вторгались в эстонские, литовские, латышские земли и приносили с собой насилия и смерть. Само собою разумеется, это находило своё отражение в народном творчестве, в песнях, сказках и эпических сказаниях.

Литовские песни, мягкие, музыкальные, напевные, давно привлекали внимание собирателей народного творчества. Они вошли в лучшие мировые собрания песен.

Мы ещё не достаточно знакомы с этим песенным богатством. Его изучение впереди. А пока нельзя не отметить выпуска Гослитиздатом небольшой книжечки, носящей название «Дайны» — цикла антинемецких песен литовского народа, собранных Ю. Жюгдой и переведённых С. Мар, точно передавшей не только содержание дайн, но их лиризм, народный характер.

Литовские даины слагались ещё дайделотами — певцами древности. Под звук канкелей — гуселей — воспевали они родную землю и её плодородие, мирную жизнь свободных людей.

В дни тревоги песня вторила звону мечей, — литовцы брались за оружие и с мечом и бердышом, а то и с рогатиной вставали на защиту родины. Никогда они не теряли веры в свои силы. «Мы победим», «Со-

крушим в бою пруссаков» — вот характерные мотивы многих песен.

В памяти народа жива слава Сауле, Дурбе, Грюнвальда. Немало врагов истребили литовцы в битвах под этими городами. Их законом было: лучше остаться свободным на развалинах своих домов, чем жить в рабстве. Немецкие летописцы отмечали, что изпод Пиленов крестоносцы вернулись ни с чем, потеряв много войска: литовцы, когда уже не стало сил, сожгли замок и сами сгорели, но не сдались врагу.

Песни этих лет полны печали и ненависти к немцам. «Боролатые злодеи с моря», «немец-чорт», «немец злока-гадюка», «хищный ёршун» — так именует литовский народ немецких насильников.

Там, где ступала нога немецкого рабовладельца, мужчины сохли от непосильного труда, юноши изнемогали над плугами и сохами, суровые ветры жгли светлые личики девушек, ругот-цветком выраставших у матушки. Как хищные волки рыскали немцы по сёлам и городам, попирая человеческие законы, грабя народ и угоняя его в неволю.

Проходили века. Но и в XX веке (в оккупацию 1915—1918 годов) немцы вели себя в Литве как средневековые кровавые рыцари-разбойники. Так ведут себя и в наши дни подлые их потомки, гитлеровские бандиты.

Снова салог немецкого насильника топчет землю Литвы, обрекая народ на невыносимые страдания, голод и рабство.

Но жив свободолюбивый дух народа, живы славные традиции — и литовцы борются с врагом. Не была и не будет Литва рабскою немцев. Славою покрыты знамена Красной Армии, которая завершает освобождение Украины, победоносно движется дальше на запад и уже на земле врага ведёт бои, уничтожая разбойничьи полчища.

Новый Грюнвальд близок. В братском союзе с русскими, украинцами, белорусами и другими народами литовцы очистят свою землю от озверелого врага.

А. Деев

ХУДОЖНИК-ВОИН

ромных гобелена «Встреча передовиков сельского хозяйства Казахской ССР с руководителями партии и правительства» и «Колхозной той» — народный праздник по случаю успешного окончания полевых работ.

Автор этих гобеленов, искусно вытканых мастерицами алмаатинской артели ковровщиц, — художник Н. В. Цивчинский — один из наиболее ревностных инициаторов создания в Казахстане новой формы искусства ткани: безворсового ковра-картины. Свою инициативу художник стал осуществлять на основе высококачественной техники древнего паласа ещё в 1937 году. Начал он с портретов Ленина и Сталина и большого гобелена на сю-

жет из героического прошлого казахского народа — «Амангельды Иманов». Для Нью-Йоркской выставки он дал великолепно вытканый гобелен «Физкультурный парад». Затем темами для его гобеленов стали и такие события славной жизни СССР, как «Прорыв линии Маннергейма» и «Освобождение Красной Армией братских народов Западной Украины».

За короткое время советский гобелен завоевал признание весьма авторитетных знатоков не только у нас в СССР, но и за рубежом.

Началась война. Художник прервал работу над композицией задуманных им гобеленов «Наша родина» и ушёл на фронт. Рядом

Литература и искусство

«ВОЛКИ И ОВЦЫ» В МАЛОМ ТЕАТРЕ

Фото Б. Фабисовича

Недавно московский Малый театр возобновил пьесу А. Н. Островского «Волки и овцы». Премьера прошла с большим успехом.

Пьеса «Волки и овцы» идёт в постановке народного артиста СССР П. М. Садовского. Спектакль продолжает лучшие традиции русского сценического реализма.

В спектакле заняты два поколения артистов Малого театра. Старшее поколение было представлено народной артисткой СССР В. Н. Рыжовой, в роли Анфусы Тихоновны и народным артистом РСФСР М. Ф. Лениным, играющим роль Беркутова.

Младшее поколение артистов московского Малого театра представлено

прежде всего заслуженной артисткой РСФСР Д. В. Зеркаловой, исполняющей одну из лучших своих ролей — Глафиры, и заслуженным артистом РСФСР И. В. Ильинским в роли Аполлона.

С большим успехом в спектакле участвуют заслуженная артистка РСФСР Е. М. Шатрова в роли Купавиной и заслуженный артист РСФСР В. А. Владиславский в роли Чугунова.

Зрительный зал с неослабевающим вниманием следил за развёртыванием пьесы, принадлежащей к числу лучших произведений великого русского драматурга.

На фото: заслуженная артистка РСФСР Д. В. Зеркалова в роли Глафиры.

Н. В. Цивчинский.

В предвоенное лето 1940 года на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке в Москве особенное внимание многочисленных посетителей павильона Казахской ССР привлекали большой ковёр с изображением товарища Сталина в кресле, во время отдыха, и два ог-

«Мы ещё вернёмся».

бойком Красной Армии он проделал большой ратный путь, — долгое время сражался под Сталинградом. непосредственно участвуя в решающей сталинградской битве, за что награждён медалью «За оборону Сталинграда».

В одном бою художник был серьёзно ранен и эвакуирован в тыл. Оправившись от ранения, он с новыми силами приступил к осуществлению творческих замыслов, обогащённых опытом борьбы с врагом.

Интересный цикл картин им уже выполнен. В Горьковском Доме Красной Ар-

мии художник росписал на холсте стены зрительного зала. Четыре огромных его полотна посвящены крупнейшим событиям Великой отечественной войны: исторической обороне Москвы («Двадцать восемь панфиловцев»), героической обороне Севастополя («Мы ещё вернёмся»), разгрому гитлеровских войск под Сталинградом и форсированию советскими войсками реки Днепр.

В ближайшее время Н. В. Цивчинский возвращается в Казахстан, чтобы возобновить работу над советским гобеленом.

Лев Колпачки

КОСТЕР ВО ЛЬДАХ

Владимир Беляев

Мыс врежется далеко в море. На самой его макушке — пост. После полуночи вахту нес краснофлотец Иван Терентьев. То, что он увидел, показалось ему сверхъестественным. Прижимной ветер нес к берегу разогнанные недавним штормом льдины. Всё больше и больше белых пятен появлялось на тёмной воде у высокого крутого мыса. Вдруг в море показался огонёк. Он всё рос, приближался, и наконец Терентьев ясно различил в бинокль за несколько миль от берега на далёкой льдине разожжённый костёр. Он пылал очень ярко, и косматые языки пламени развевались на ветру.

Самым странным и необъяснимым было то, что вокруг огня на льдине плясали люди, будто индейцы или язычники-огнепоклонники. И Терентьев сперва подумал, что всё это ему просто почудилось. На посту сыграли тревогу, но лишь утром его команда разгадала настоящую причину появления этого зрелища.

Каждую весну из далёкой Гренландии в Белое море приплывают огромные стада тюленей. Они рожают здесь детёнышей, справляют свои свадьбы и отдыхают на льдинах после долгого пути, наливаются жиром.

В такие вот солнечные весенние дни охотиться за тюленями выходят поморы-зверобой. Сейчас старожилы берегов Белого моря всю свою ловкость, накопленную годами умение направляют на помощь фронту.

Тюлень — это не просто безобидный и забавный зверь, за которым бывает интересно поохотиться: тюлений жир идёт на отделку кожи для сапог, которая не пропускает воду; из тюленьего жира изготавливаются мазь для сапог и смазочные вещества, которые не замерзают на самом страшном морозе. Русский хирург-профессор Вишневский изобрёл особую мазь для заживления ран. Её называют «бальзамом Вишневецкого». Переработанный

жир гренландского тюленя употребляют в аптеках как компонент для изготовления «бальзама Вишневецкого». В тюленьем жире есть витамин «А». Вот почему медицинский тюлений жир предохраняет детей от рахита — от кривых ног, уродливо раздутой головы — и в этом успешно конкурирует с рыбьим жиром. Казанская меховая фабрика обрабатывает тюленьи шкуры; из тюленьего меха шьют куртки, домашние туфли, высокие болотные сапоги — «бахилы», в которых можно сколько угодно ходить по воде, не промочив ног.

И в эту весну на льдины Белого моря с ружьями, баграми вышли бить тюленя зверобой-весновальщики. Пошли на лёд и своих людей бригадир Иван Юрьев и Василий Ушаков. Опытные, пожилые зверобой, хорошо знающие все повадки старых и молодых тюленей, уроженцы одной и той же деревни, Юрьев и Ушаков стали поводырями двадцати пяти своих односельчан, среди которых были и женщины. Взяли с собой продуктов на неделю, несколько лодок-зверобоек, чтобы было на чём переплывать небольшие разводья. От холода их всех оберегали малицы и пимы. Когда зверобой удалились миль за пять от суши, внезапно переменялся ветер и отодрал льдину от непрочного припая. Силой ветра льдину понесло дальше в море. Не успели спохватиться оставшиеся на берегу колхозники и их председатель, сын ушедшего в море бригадира, Василий Юрьев, как льдина была уже далеко.

Двадцать семь зверобоев на оторванной от берега льдине знали, что их может вынести за Канин Нос, где могут встретиться немецкие подводные лодки.

Ветер, оторвавший льдину, крепчал и крепчал, пока всё Белое море не оказалось во власти шторма, длившегося несколько суток. Льдину стало крошить на более мелкие части,

её гоняло с юга на север, с запада на восток и то зажимало в старых, торосистых льдах, то, обглоданную ветрами и течениями, выносило на вольную воду. Но люди не унывали, а продолжали бить зверя, который выплзал из моря на залежки.

Об оторванных на льдине узнали не только в Архангельске, но и в Москве. Им на помощь сразу же послали ледокол капитана Александра Гидулянова.

Лётчик-эстонец рыбной авиации Вальтер Шернберг первым нашёл зверобоев. Он привёз им письма из родного колхоза «Прилив», сообщил, что за ними идёт ледокол, и сбросил на лёд в мешках продукты. С лётчиком Шернбергом полетел разыскивать зверобоев и своего отца председатель колхоза «Прилив» Василий Юрьев. В прошлом моряк-балтиец, он первый раз летал в самолёте, но я на воздухе чувствовал себя как в море, помогая лётчику и борт-механику следить за льдинами. Рассказывают, что когда лётчики нашли зверобоев, сын сбросил отцу с неба на льдину письмо, в котором писал: «Держись, батя, ледокол идёт, а вы пока не зевайте и бейте зверя. Залезь у вас на льдине, я посмотрел, уйма».

Да и без этого сыновнего совета старик Юрьев знал, что ему надо делать. Около трёх тысяч тюленей набили бригады Ушакова и Юрьева. Связь с ним была односторонней, пока не произошёл ещё один необычный случай.

Лётчики полярной авиации Семён Кулик и Александр Погосов на самолёте «У-2» летали в ледовую разведку. Задание было выполнено, они возвращались уже домой, как вдруг Кулик заметил на краю большой льдины густую залежку тюленей. «У-2» — машина удобная. Лётчики говорят, что она может сесть на любой пригорок. Семёну Кулику ничего не стоило посадить свой биплан на ровном краю льдины. Оба лётчика начали охотиться на тюленей. Они убили себе по одному зверю. Погосов вынул финку и стал свежевать тюленей, чтобы удобнее было везти их на «Большую землю». Из-за ропачков послышались голоса. Кулик привстал и обомлел: прямо к самолёту бежали люди. Если бы рядом оказался белый медведь или высунула из-за ропака хищную пасть акулы, то Кулик был бы удивлён гораздо меньше. Бывалый лётчик, он видел много не-

обычного на своём веку, но людей, плавающих в открытом море на льдинах, он ещё не встречал, о зверобоях, унесённых ветром, до этого не слышал и потому очень удивился. Зверобой обступили лётчики, рассказали им, что их гоняет уже двенадцатый день, спрашивали, где ледокол.

— Да он совсем близко, — сказал Погосов, — к утру, наверное, снимет вас. Мы сейчас слетаем к ледоколу и наведём его поточнее.

И лётчики, выполняя своё обещание, поднялись в воздух, увозя капитану Гидулянову письмо со льдины от бригадира Ивана Юрьева. Через полчаса они уже сидели в каюте у Гидулянова, а послушный «У-2», как зелёная стрелка, распластав крылья на льдине под бортом корабля, покорно ждал своих неугомонных хозяев.

В то же время, чтобы проверить на месте, как идёт спасение зверобоев, из Архангельска в приморскую деревню прилетел руководитель рыбной промышленности Северного бассейна Андрей Тупилов. Он спросил у лётчика Шернберга, какие продукты тот отвозил на льдину. Шернберг стал перечислять.

— Табаку мало сбросили, — сказал Тупилов. — Свежете ещё. А дрова возили?

Лётчик ответил, что дров он не догадался захватить.

— Напрасно, — сказал Тупилов. — Жир у вас ведь у них вдоволь? Они обольют дрова жиром и будут обогреться. Захватите дров и спирту им тоже подбросьте.

— Да как же спирт туда везти? Какую бутылку ни возьми, разобьётся, — сказал лётчик.

Стали судить да ридить и наконец придумали. В приморской деревне нашлось несколько резиновых грелок и надувных кругов. В грелки и круги налили спирту, и Шернберг повёз эти резиновые «мячи» и «бублики» в задней кабине своего самолёта, где лежали теперь и самые простые берёзовые поленья и тучок с табаком и спичками. Все эти подарки пассажиры самолёта Шернберга — Тупилов, Василий Юрьев и секретарь Мезенского райкома партии Смолюков, в прошлом тоже помор-зверобой, — очень удачно сбросили на льдину. Тупилов в пакет с табаком вложил письмо, в котором подтверждал, что ледокол придёт к утру, благодарил зверобоев за хорошую работу, а заодно писал, что Наркомат рыбной промышленности собирается наградить всех зверобоев значками «Участник социалистического соревнования».

...Зверобой Белого моря — лихой народ. Когда тюленьи туши были пересчитаны и сложены в штабеля, чтобы было удобнее сдирать их на ледокол, бригадир Ушаков сказал:

— Утром нас заберут отсюда. Я в это верю. Поработали и поплавали мы с вами славно. Двенадцатый день носит нас по морю. Стоит ли только дожидаться до утра? Давайте погуляем, чтобы дома жонки не грустили.

Был разожжён костёр. Зверобой выпили чистого спирта, и вскоре на зелёном льду Белого моря начались те самые танцы, которые поздней ночью увидел со своего поста изумлённый беломорец Терентьев. А утром ледокол Гидулянова подошёл к льдине и благополучно принял на борт всех весновальщиков и забитого ими зверя.

На полу у кроватей Кулика и Погосова лежат сейчас два пятнистых коврика. Они всякий раз напоминают лётчикам о необычайной встрече на льдине.

Самка-тюлениха спустилась в лунку и купается.

Фото Евг. Викторова.

ВОЙНА НЕВИДИМОК

ЧАСТЬ 2. СИГНАЛЫ БЕДСТВИЯ

Ник. Шпанов

(Продолжение)

Иллюстрации Л. Бродаты

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩИХ ГЛАВ

Советские люди капитан 3-го ранга Житков и его друг Найдёнов работают над лаком, сообщившим невидимость перископу подводных лодок. Немецкие шпионы Витема и его сообщник Мейнш пытаются добыть рецепт этого лака. Кроме этого задания Витема, едущий в СССР под видом англичанина Бера, должен выполнить диверсионные акты — подрывать транспорт, везущие военный груз в СССР. Витема по пути вербует Майлс — штурман судна «Мария-Глория» — и, шантажируя его, заставляет подложить в трюм зажигательные снаряды, заключённые в консервные банки.

Житкову и Найдёнову поручено преследовать Витему.

На судне в качестве советского представителя поселяется Житков, полагающий, что «Мария-Глория» — объект преступных деяний Витемы. Витема убивает Майлса, а сам, обманув Найдёнова, скрывается, переодевшись женщиной.

Житкову не удаётся извлечь все заложенные Майлсом зажигательные снаряды. «Мария-Глория» в огне.

8. КОЛЬЦО СЖИМАЕТСЯ

Лишившись грима, Витема, сошедший ночью с поезда, не решался показаться на людях. Несоответствие между его внешностью и фотографией, наклеенной в удостоверении Печерских, фактически лишило его всяких документов. Покинув поезд, Витема решил ехать обратно к морю. Но он не отважился сесть во встречный пассажирский поезд и забрался в порожний вагон товарной вертушки.

Лежа в тёмном углу вагона на куче шепок, Витема размышлял над происшествиями последних дней. Он старался проанализировать свои действия и найти ошибку, приведшую к положению, в котором он очутился.

Если перебрать в памяти события по порядку, можно было подумать, что счастье окончательно изменило Витему. Мысленно уже похороненные Витемой на мысе Моржовом Житков и Найдёнов, вопреки здравому разуму и человеческим возможностям, всё же появляются — живые и невредимые — в порту. С этого начинается цепь несчастий. Житков — на «Мария-Глория». Приходится спешно убрать отсюда этого трусливого олуха Майлса и ходить как на углях в ожидании того, что Житков обнаружит зажигательные снаряды. Дальше всё идёт, как по расписанию, составленному враждебной рукой: Найдёнов попадает на удочку; впрочем, он и не мог не попасть: не в его духе было бы отказаться пойти на вызов Житкова, — и направляется к пакутам у девятого причала прямо в лапы Витемы. Но словно сам сатана вмешивается в дело и вместо Найдёнова подсовывает ему какого-то случайного человека, которого Витема и отправляет на тот свет вместо Найдёнова и чьего имени до сих пор не знает. А сам Найдёнов оказывается в госпитале и выслеживает Майлса. Чтобы спастись от провала и вырвать хранящиеся у штурмана снаряды, Витема приходится ликвидировать англичанина. Кольцо вокруг Витемы сужается. Грузчики начинают коситься на Мейнша, и старик вынужден смяться.

Убежище оказывается под наблюдением. В порту показаться нельзя. Попытка поселиться в гостинице приводит к тому, что портье со всех сторон обнюхивает документы Витемы, чуть ли не просматривает их на свет

и, удалившись за перегородку, звонит, куда следует; Витема едва успевает смотать удочки. Ни о какой работе в порту не может быть больше и речи. Там остался единственный сотрудник немецкой разведки, под которым тоже горит земля и который вынужден работать простым извозчиком. Его удаётся использовать только для того, чтобы проследить Печерских, чья наружность и хромота так подходят для подмены Витемы. Дело едва не срывается из-за болезни Печерских, но, к счастью, он оказывается упрямым человеком и отправляется в путь больной. Тут-то, перебравшись по льду через реку, возникает — сообщник Витемы — останавливается в глубоком овраге, которым дорога поднимается от реки на крутой берег. Из-за сугроба, за спиной седока, неслышно появился Витема. Через три минуты труп Печерских был погребён в сугробе, а вместо него, облачённый в его тулуп и шапку, к вокзалу подехал Витема.

Кажется, было сделано всё, чтобы облик Витемы ничем не отличался от наружности Печерских, и тем не менее Витема тут же, на вокзале, тем волчьим чутьём, которое есть у всякого опытного разведчика, уловил слежку. Собственно говоря, что не была ещё слежка в полном смысле слова, но что-то в наружности Витемы привлекло к себе внимание какого-то подозрительного субъекта. Витема был в этом уверен, так как этот субъект вдруг оказывается в вагоне, сиднем сидит в коридоре, когда весь вагон спит. Его спина не нравится Витеме, хотя в ней, кажется, и нет ничего, что отличало бы её от тысячи других человеческих спин. Витема сидит как на иголках, забившись в угол купе. Каждый шаг у двери заставляют его сызнова решать вопрос: защищаться при аресте или нет? Защита безнадежна, бежать нельзя...

Один план нереальней другого проносится в голове. Петля кажется затянувшейся, выхода нет, если не спасёт какая-нибудь непредвиденная случайность. И вот, как уже не раз в жизни Витемы, эта случайность начинает маячить на горизонте: соседкой Витемы оказывается дама. Она одна в купе. Их разделяет только умывальная. Дама велика ростом; у неё мужская походка; когда она идёт по коридору, её шаги можно принять за мужские.

...Деталь за деталью Витема анализирует положение. Неспеша подни-

гается к цели Ловким ходом, как бы незначай отворив не ту дверь умывальной, Витема оказывается в купе незнакомки, это происходит как раз вовремя: она намерена вторично выйти в коридор, чтобы снова попросить огня у Найдёнова. Вместе со спичкой Витема предлагает пассажирке отличную папиросу. Выкурив её, дама засыпает так, что Витема может делать с ней всё, что ему нужно. Доха дамы, шаль, валенки переходят к нему; дама облачена в тулуп и ушанку Печерских и усажена в кресло у окна. Пассажирка уже никогда не проснётся. Сквозь её сердце прошла длинная тонкая игла. На теле остался едва заметный след укола. Теперь остаётся, уловив момент, пройти в уборную, а оттуда...

Витема тщательно занимается туалетом. Прикрепляет несколько папилюток так, чтобы они были видны

из-под шали... По коридору нужно пройти, не хромая... Всё сходит благополучно, хотя Витема готов крикнуть от страха и удивления: в сидящем в коридоре пассажире он узнаёт Найдёнова...

Постель из шепок — не такое удобное ложе, чтобы на нём могли родиться утешительные мысли о будущем. Витема кутается в дамскую доху и мрачно перебирает шансы: удастся ли вырваться из сжимающегося вокруг него кольца преследования? Счастье изменило ему. Впрочем, в счастье ли дело? Не правильнее ли допустить, что причина его неудач заключается в особенностях работы в этой стране, где иностранному разведчику так трудно вербовать себе помощников, где всякий считает своим долгом приглядеться к подозрительному лицу, где — чорт побери! — такой человек, как Витема, ни минуты не чувствует себя в безопасности.

Да, дело, пожалуй, не только в счастье, а ещё и в том, что противники Витемы вроде Найдёнова и Житкова не складывают оружия даже там, где всякий другой на их месте давно признал бы себя побеждённым...

Нет, положительно несносные мысли лезут в голову. Нужно их гнать. От осторожности до мани преследования — один шаг... Французы говорят: «Кто спит, тот обедает». Витема перефразирует эту поговорку: «Кто спит, не дрожит от страха».

Пересиливая нервное напряжение, заставляющее его вздрагивать от каждого шороха, он плотнее заворачивается в доху и закрывает глаза. Да, кто спит, тот не дрожит от страха!

Вода ударяла в палубу с силою, способной сокрушить каменную стену.

9. СИГНАЛ БЕДСТВИЯ

Приоткрылась дверь каюты капитана, и в неё просунулась белокурая головка радистки:

— Товарищ капитан, «SOS»!

— Передайте порту.

— Наши позывные, товарищ капитан,—быстро заговорила Медведь,—радиограмма адресована непосредственно нам.

— «Шторму»? — сдерживая наползающую на лицо радостную улыбку, спросил Балабуха.

— Точно так. Английский пароход «Мария-Глория». Семь тысяч тонн. Горит хлопок.

— Вызови порт,—бросил Балабуха радистке и, наскоро напавив фуражку, поднялся в радиорубку.

Разговор с портом был коротким: разрешение на выход получено, назначен эскорт из двух сторожевых катеров на случай встречи с лодкой или самолётом противника.

В палубе поверх шубы, в кожаном малахе и рукавицах, в бахилах до бёдер, Иван Никитич вышел на верхний мостик. Элли была уже там.

Резкий восточный ветер сразу обнял Балабуху и прижал под козырёк на крыше мостика. Воздух свистел и шипел во всех щелях, вокруг всего, что стояло на его пути. Удары его были короткие, резкие. Не успевая высоко развести волну, они срывали с воды пригоршни холодных брызг и подбрасывали их, кропя весь «Шторм» от борта до верхушки трубы.

— Будет погода,—бросил он Элли.— Кабы часа через два, так, пожалуй, и не отвалить бы, а?

Действительно, ветер и сейчас уже прижимал «Шторм» к стенке так, что бревенчатые кранцы трещали и лупились, растираемые о привальный брус стальных бортов буксира.

Балабуха поглядел на высокую трубу «Шторма», словно она должна была ответить ему на вопрос, как дела у стармеха, доведено ли давление в котлах до той степени, когда от машины можно требовать всех её тысячи ста лошадиных сил. Но чёрная струя дыма срывалась шквалом, прежде чем успевала вылиться из отверстия трубы.

Элли вопросительно поглядела на капитана.

Он хотел было дать приказание сниматься, но понял, что его голос будет так же сорван и унесён в море, как дым с трубы, и ограничился тем, что кивнул и сделал движение в сторону моря. Он стоял неподвижно и на вид равнодушно под своим козырьком, но в его прищуренных глазах, в насторожившемся слухе, в кончиках пальцев, лежащих на поручнях, было собрано всё, что происходило на буксире. Тут, на верхнем ходовом мостике, было его место на всё время спасательного рейса. Отсюда он не уйдёт, пока не потушит пожара и не возьмёт на буксир пострадавшее судно.

С правого крыла мостика, из-под такого же козырька, под каким стоял капитан, Элли пыталась рассмотреть что-нибудь там, куда глядел нос «Шторма». Но там была одна упругая, сопротивляющаяся движению буксира чернота.

По мере движения к выходу с рейда ветер делался крепче. Короткие, порывистые шквалы сменялись длительными, свирепыми напорами воющей темноты. По содроганию судна начинали чувствоваться удары встречной волны, накатывавшейся на правую скулу корабля. Каскалы брызг, с минуту на минуту более обильные, долетали до мостика.

Элли подняла воротник плаща и достала засунутую между стойкой поручней и брезентовой зойдвесткой.

Над трапом показалась голова радистки. Маленькая девушка цепко, как обезьянка, карабкалась по трапу, держась одной рукой за поручень.

другую прижимая к себе радиожурнал. Порывом шквала её с силой оттолкнуло на мостик. Она беспомощно скользнула по наклонной палубе мостика и с вытянутыми руками устремилась к капитану, но обратный размах судна заставил её согнуться почти вдвое, словно она собиралась ударить капитана головою в живот.

— Как у них дела с огнём? — крикнул Балабуха, ловя радистку за плечи.

— Ничего нового.

— Спроси, удалось ли сбить пламя, могут ли держаться до нашего прихода. Скажи, будем к утру.

Через пятнадцать минут, балансируя, как канатная плясунья, Медведь снова вынырнула на мостике:

— Пожар разрастается, но они надеются продержаться.

Балабуха с минуту думал. Если бы это были итальянцы или греки, они каждые пять минут забрасывали бы его воплями о помощи, но англичане не скажут ни одного лишнего слова, пока не будут вынуждены покинуть судно. Их скупые сообщения не дадут ему истинного представления об угрожающей «Марии-Глории» опасности.

— Передай: прошу сохранить спокойствие. Если не удастся ликвидировать пожар, гарантирую снятие людей. Все будут в безопасности.

— У них на борту только двое.

— А остальные?

— Сняты конвоем.

— Путаешь что-то! — сердито крикнул Балабуха. — Принеси английский текст.

— Они ведут передачу по-русски. Балабуха думал, что ослышался из-за свиста ветра:

— Что?

— У них радист — русский

— Ага, тем лучше. Пускай почаще уточняет место.

И снова укрылся под свой козырёк. Но и там его уже настигали косые струи воды. По мере того как буксир набирал ход, он всё сильнее зарывался в волну, гонимую в крутой бейдевинд.

С мостика не было видно ни моря, ни даже собственного бака. Зато было хорошо слышно, как очередная волна обрушивается на полубак с грохотом потока, прорвавшего плотину.

Вода ударила в палубу с силою, способной сокрушить каменную стену. Те, кого волна застала на палубе, поспешно бросались плашмя, вцепившись во что-нибудь, чтобы не дать унести себя за борт обратным потоком.

Усиление волны давало себя знать всё более широкими и крутыми размахами судна. Элли то повисала на поручнях мостика, как на трапези, то наваливалась всем телом на ложившийся почти горизонтально релинг.

В один из особенно свирепых наскоков над ухом Элли раздался лоббродушный голос капитана:

— Купаешься, коза? Ничего, держись...

Элли выбрала момент и пробежала к трапу радиорубки. Когда она забежала по нему и скользнула в рубку, то увидела дёргающуюся спину Медведь. Рука радистки лежала на ключе, и пальцы выбивали передачу; чёрные кругляки наушников висели из-под шапки, но то и дело вся миниатюрная фигурка радистки конвульсивно сжималась, и она отворачивалась от приборов, чтобы не запачкать их стекающей по подбородку рвотой.

Увидев штурмана, Медведь жалко улыбнулся и упрямо, не прерывая передачи, ткнула в ползющий по столу радиожурнал. Элли прочла только что записанные координаты «Марии-Глории».

— Как у них дела? — спросила Элли.

— Прекрасно держатся, никаких жалоб. Спрашивают, когда подойдём.

Элли поглядела на координаты парохода и неуверенно сказала:

— К рассвету не поспеем,—постараемся не позже полудня.

— Хор...—начала было Медведь, но опять отвернулась. Через минуту, виновато улыбувшись, она отёрла подбородок и договорилась: — Хорошие ребята. Их не нужно подбадривать.

— На всякий случай... спросите их имена,—сказала Элли.

Радистка с досадой глянула было на штурмана, но тотчас опустила глаза. Перед нею прошло уже столько драм, что эта предосторожность, говоря правду, не была лишней. Мало ли что может случиться за восемь часов, что остались до полудня. Если бы ещё только море да ветер, а то ведь немцы...

Элли поднялась с табурета, но когда она натягивала перчатки, внутренняя дверь рубки открылась и в ней показалась пожилая женщина-повариха — Аннушка. Она плавала на «Шторме» не меньше десяти лет и хорошо знала свои обязанности.

— Иван Никитич сказал, что вы, наверное, тут.

Аннушка вытащила из висящей через плечо брезентовой сумки большой термос и кружку. Не спрашивая о желании Элли, она ловко налила ей крепкого чая. Из той же сумки появился огромный бутерброд.

Элли приходилось держать кружку в вытянутой руке, чтобы не дать вылиться чаю. Обжигаясь, она сделала несколько глотков.

Когда она вернулась на мостик, Балабуха стоял на своём месте, не то глядя в темноту, не то приносясь к ней.

Балабуха склонился к переговорной трубе и резко свистнул.

— Как дела, Лукич? — крикнул он и, отодвинув малахай, приложил ухо к раструбу.

Получив ответ стармеха, сказал:

— Прибавь пятак оборотов.

Чутко прислушавшись, он всем телом воспринял участвовавшие удары винта.

За оставшиеся до «Марии-Глории» несколько часов хода не случилось ничего, что заслуживало бы внесения в вахтенный журнал. Выдавленная водой дверь носового кубрика; разбитый кап. каюткампани и два стекла, вышибленных волной в штурманском отделении рубки,— всё это было пустяками, случавшимися в каждом рейсе.

День давно уже должен был наступить, но Балабуха не видел солнца. Серый свет редкими полосками прорывался между плотными слившимися морем и небом. Это не смущало капитана. По признакам, понятным старому моряку, он знал, что на этот раз шторм будет коротким и что он уже прошёл через высшую точку своего напряжения. Ветер пойдёт на спад. Волна ещё будет держаться, но крутизна её быстро спадёт.

Балабуха спустился в ходовую рубку, чтобы покурить. Сидя на клеёном диване, он глядел на качающийся вдоль переборки барометр. Ртуть поднималась. По расчётам Балабухи, шторм должен был задеть «Марии-Глорию» только краем и не мог причинить ей большого вреда.

Капитан вызвал боцмана и приказал готовиться к встрече с «Марией». Это значило, что люди должны выйти на палубу, расчехлить пожарные и водоотливные средства, приготовить леер, который будет подан «Марии» с кондом буксирного троса; разнайти огромный бухту стального троса, которым Балабуха уцепит «Марию» и поведёт в порт.

Боцман стоял ещё в рубке, когда туда вошла радистка и доложила, что с «Марии» видела перископ.

— Сейчас же сообщи катерам,—распорядился Балабуха. — Это их дело—разобраться, не снятся ли перископ ребятам на «Марии».

Балабуха старался не выдавать овладевшего им беспокойства, но страх, что немец может вырвать у него добычу, заставил сунуть в карман неколенную трубку и поспешить на мостик. Радистке было приказано не прерывать связи с англичанином.

Через полчаса Медведь доложила, что «Мария» снова видела перископ. После этого передачи англичанина прекратились.

Балабуха вышел из-под козырька и оглядел горизонт в бинокль. «Мария» должно было быть видно. Но в поле зрения попадали только свои катера, спешившие к невидимому англичанину.

Когда «Шторм» подошёл к координатам, указанным в последней передаче «Марии», Балабуха снова увидел свои катера, кружившие в поисках исчезнувшего судна.

Балабуха перешёл в радиорубку. Нахмурившись, глядел он на тонкие пальчики Медведь, неутомимо выбивавшие позывные «Марии».

Англичанин не отвечал.

Пока радистка работала, Балабуха машинально перелистывал радиожурнал. Взгляд его зацепился за какое-то знакомое слово. Повернув обратно страницу, он увидел радиограмму с «Марии». По просьбе «Шторма» сообщались имена людей, оставшихся на борту англичанина: капитан Дуглас Найт и советский представитель, сопровождающий груз хлопка, Житков.

Балабуха протёр глаза.

— Послушай, Медведь, ты не ошиблась?

Балабуха ткнул пальцем в слово «Житков».

— Зачем ошибаться, Иван Никитич! — обидчиво сказала Медведь.

Тут она поспешно нагнула наушники, в которых ей почудились позывные «Шторма».

Балабуха, притаив дыхание, глядел в побледневшее от волнения лицо радистки. Но по её потухшим глазам он понял, что Медведь ошиблась: англичанин попрежнему молчал.

Взвешенные мысли неслись в голове капитана: Житков давно погиб, об этом знал он, знала Элли, знал весь флот, а между тем... Может быть, одофамилец? Вероятнее всего. И всё-таки он сказал радистке:

— Ты того, — Балабуха накрыл широкой ладонью запись в журнале, — заверни-ка эту страницу до времени, чтобы она не попала на глаза штурману.

Заметив удивлённый взгляд радистки, не понимавшей причины странного приказа, старик неохотно пробормотал:

— Тут какая-то ошибка. Житков был её муж. Понятно?

Сердито хлопнув дверью, он вышел и вернулся на мостик.

Прежде чем ответить катерам, запрашивавшим, что он намерен делать, Балабуха снова взялся за бинокль. Он надеялся увидеть шлюпку с двумя людьми, но в окулярах не было ничего, кроме размытых валов зыби, тянувшихся к быстро темнеющему зримому небу.

— Ничего? — послышался рядом голос Элли.

— Чисто.

— Я велела запросить их имена... будто чувствовала. Сейчас узнаю у Медведь.

— Куда ты! — окликнул её Балабуха и с напускной грубостью проворчал: — Нечего шататься. Рейс не окончен. Твоё место на мостике...

Элли удивлённо посмотрела на старика и, отвернувшись, стала глядеть на пустынное море.

Конец второй части.
(Продолжение следует.)

СПОРТИВНЫЕ СОСТЯЗАНИЯ В СУХУМИ

Чемпион СССР по метанию молота Коткас на тренировке.

Лучшие спортсмены страны съехались в Сухуми на Всесоюзный сбор. Здесь под тёплым, южным солнцем тренировались и готовились к летнему спортивному сезону мастера лёгкой атлетики. Во время сбора были проведены соревнования по метанию диска, прыжкам в высоту и в длину, метанию копья, ядра и другие.

Фото С. Короткова.

Чемпион СССР по метанию копья Клавдия Лаптева.

Чемпион мира по метанию диска Нина Думбадзе.

Эстафета 4 × 200 на дистанции. Впереди Дёмин («Крылья Советов»), Чикин (Эстония) и Комаров («Динамо»).

Первый удар по мячу в 1944 году сделал Григорий Федотов на матче «Динамо» — ЦДКА в Сухуми.

Момент игры команд «Динамо» (Москва) — ЦДКА на футбольном матче в Сухуми.

Заслуженный мастер спорта СССР по прыжкам в длину Галина Турова.

НАУКА И ТЕХНИКА

НА ГРАНИ ЖИВОГО И МЕРТВОГО

Вирусы — мельчайшее разное начало. Им долгое время удавалось таиться в тени, ускользать от настоящего глаза исследователя. Они без труда проскакивали сквозь тончайшую сеть фильтров.

Попав в живую ткань, вирусы с невообразимой быстротой размножаются и вызывают различные заболевания — ящур и бешенство, энцефалит и оспу, корь и грипп.

Но упорство и настойчивость учёных восторжествовали над уловками этих врагов всего живого. Честь открытия, которое может изменить разоблачением, принадлежит русскому физиологу прошлого века Д. Ивановскому. Он стал родоначальником науки о фильтрующихся вирусах.

Своеобразные повадки вирусов, необыкновенная способность прикидываться то живыми, то мёртвыми, раскололи мир науки на два лагеря: один провозглашал за ними все права микробов, другой окрестил их мёртвыми материей. И те и другие энергично отстаивали своё мнение.

Организм или вещество? Наконец было неопровержимо доказано, что вирусы представляют собой белок, способный образовывать особые кристаллы. Иначе говоря: вещество с некоторыми признаками живого организма...

Вирусной лабораторией Института микробиологии

руководит профессор Виталий Рыжков. Он свою жизнь посвятил созданию стройного учения о вирусных белках.

— За последние годы, — говорит профессор, — вирусные белковые кристаллы изучены с большой полнотой. Установлен их молекулярный вес, определены размеры. В мире молекул — это великаны. Шарообразные, продолговатые, в форме палочек, они превосходят ранее известные молекулы белка в тысячи, а иногда и в десятки тысяч раз.

Пробравшись в организм и живя за его счёт, они стремительно накапливаются, зарождают клетку своими отложениями. Подобно живому существу, они способны видоизменяться. Внезапно возникают молекулы вируса с новыми свойствами, которые передаются по наследству следующим поколениям.

Ныне известны сотни видов вирусного белка. Они гнездятся в гниющей жидкости, где годами отсиживают в безопасности до благоприятного случая. Их переносят насекомые, которые питаются соком растений, кровью животных и человека.

Как определить и подавить вирусы в организме, как помешать их самовоспроизведению?

Профессор Рыжков и его сотрудники обдумали простой и остроумный метод быстрой и точной диагностики вирусных болезней. Он назван кристаллографическим. Изучено воздействие различных температур,

химических препаратов (например витамина В); проведено множество оригинальных экспериментов. Добытые результаты свидетельствуют, что развитие инфекции, вызванной вирусами, может быть заторможено, а затем и подавлено некоторыми веществами, не причиняя вреда организму.

Вирусные белки принадлежат к нуклеопротеидам. Так называют химички соединения белков с нуклеиновой кислотой. Анализ показывает, что такие соединения входят в состав нормальной, здоровой клетки. Ещё недавно мы очень мало знали о свойствах и значении нуклеопротеидов, присутствующих в клетке.

Открытие вирусных белков наталкивает на мысль, что молекулы нуклеопротеидов здоровой клетки воплощают её характерные особенности. Они представляют основу её изменчивости и обладают способностью самовоспроизведения. Это подтверждено опытом: из тканей, не поражённых вирусом, выделены гигантские белковые молекулы, подобные вирусным.

Очень скоро химик в своей лаборатории будет очищать и концентрировать кристаллические белки, которые являются носителями отличительных свойств различных растений и животных. И, может быть, недалёк день, когда мы покажем в пробирке кристаллический белок, специфический для протоплазмы кошки, собаки или растения.

Г. Блок

ПО РОДНОЙ ЗЕМЛЕ

ДВЕ РЕКИ В ОДНОМ РУСЛЕ

За Сурамским перевалом, в Западной Грузии, течёт река Квирилы. Как все горные реки (Квирилы — левый приток Рioni), она быстрая и шумная, что и послужило, очевидно, поводом для её названия («Квирилы» в переводе с грузинского — «крикунья»). Местные жители показывают Квирилу, как достопримечательность края: в одном русле, не смешиваясь, текут две ленты воды — светлая и буро-чёрная.

Это две слившиеся реки — Квирилы и Дзирула. Воды Квирилы пропитаны частицами чёрной пыли: её бассейн богат залежами марганцевой руды. Вверх по течению Квирилы расположено селение Чигатури; здесь сосредоточена треть мировых запасов марганца. Реки сливаются близ станции Шаропани и текут дальше в одном каменном ложе, не смешивая своих вод.

ВЕЛИКИЙ УСТЬЮГ

Великий Устюг — один из древнейших городов русского Севера. Своё название он получил от места расположения при слиянии двух рек: Юга и Сухоны, — составляющих вместе реку Северную Двину: устье Юга — Устюг.

До этого Великий Устюг был небольшим селением и назывался «Гледень» от имени горы, на которой он был основан. Во время половодья посёлок находился под постоянной угрозой затопления. Во избежание опасности жители решили переселиться на новое место — «Чёрный Прилук», в четырёх верстах от Гледеня. Здесь в ноябре 1212 года и был заложен при князе Всеволоде III Юрьевиче новый город — Устюг. Почти всё время своего существования Устюг страдал от частых пожаров, уничтожавших почти весь город. Особенно несчастлив было XVI столетие, когда город постиг ряд тяжёлых бедствий: ужасный голод, моровая язва, частые пожары и сильное наводнение.

В дореволюционной России Великий Устюг был уездным городом Вологодской губернии.

Теперь Великий Устюг — один из крупных промышленных и культурных центров Вологодской области.

ИЗВЕСТНО ЛИ ВАМ...

...что при Петре Великом в петербургском «гостином дворе» была устроена первая типографская книжная лавка? В ней продавались книги, журналы, указы. Заведующим лавкой был Василий Евдокимов.

...что первым русским литературным альманахом были «Аониды» Карамзина (1795—1797 годы)?

...что первым славяно-русским словарём являются «Лексиконы славенорусский и имён толкование»? Он был составлен Памвой Бериндой и напечатан в 1627 году в Киеве.

...что первым учебником русской истории является «Синописис или краткое собрание от разных летописцев»? Это был свод летописных и других сказаний о русской старине, доведённый до времён царя Фёдора Алексеевича. Он был напечатан в XVII веке в Киеве и составлен Инокентием Гизелем — архимандритом Киево-Печерской лавры.

НОВЫЕ МАРКИ

Народный комиссариат связи выпустил почтовую марку, посвящённую героям города Краснодона. Пять комсомольцев — патриотов: Ульяна Громова, Иван Земну-

хов, Олег Кошевой, Сергей Тюленин и Любовь Шевцова, — руководители подпольной комсомольской организации «Молодая гвардия», в тылу у немцев, — изображены на фоне восходящих лучей на марке синего цвета. В центре лавровый венок с золотой звездой. Внизу, на ленте, надпись: «Слава героям-комсомольцам «Молодой гвардии» гор. Краснодона»

Выпущена также марка в память Героя Советского Союза Шуры Чекалина — яркого лётчика.

Обе марки изготовлены по рисункам художника Дубова.

СТО ЛЕТ НАЗАД

(По страницам газет и журналов за 1844 год)

«... Кто не удивлялся тому, как рос Петербург, как в царствование императрицы Елизаветы в 1750 году имел 50 000 жителей, через 25 лет он имел их уже 160 000, а в 1825 году — уже 424 000? Город раздвигается беспрерывно во все стороны, прежние заставы входят в городскую черту, на домах нарастают новые этажи.

Заметим, что портовая торговля Петербурга получила в 1843 году товаров на 55 миллионов рублей серебром и отпустила на 38 миллионов... Перейдём к другому — замечательнейшим постройкам и украшениям Петербурга зданиями в последнее время.

Здесь, бесспорно, первое

место принадлежит храму, которым некогда Екатерина ознаменовала день рождения основателя Петербурга — Исаакиевскому собору... Теперь занимаются наружной отделкой храма. Летом начнут расписывать внутренность. Брюлову отдал главный купол, если не ошибаюсь, за 450 000 рублей. Фигуры будут в 5½ сажень, и, говорят, рисунок Брюлова для купола — лучший, что он раньше создал.

...Говорят, в нынешнем году Петербург дожждётся удовлетворения необходимой потребности — хорошей мостовой. Чего не доставало нам доселе — воды и мостовой. Мы тонем в воде, но принуждены пить канальную воду. Теперь принимаются очищать воду для питья, строят особые машины для снабже-

ния жителей водой. Теперь вводится ещё полезная новость — омнибусы, огромные экипажи.

...Говоря об увеселениях Петербурга, не могу умолчать об учёных лекциях.

Да, среди итальянской оперы, зверинца, где показывают «морскую сирену» и «удивительную даму из Амстердама», среди шума и волнения Петербург толпами приходит на учёные лекции, и, поверите ли, самое многочисленное собрание в нынешнем году бывало на астрономических лекциях С. И. Зелёного, офицера, читавшего безденежные лекции в обширной зале Морского корпуса».

(Журнал «Животное обозрение» за 1844 год)

Отв. редактор М. ДОБРЫНИН.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА».

А5175.

2½ печ. л.

Подписано к печати 2/VI—44 г. Изд. № 360.

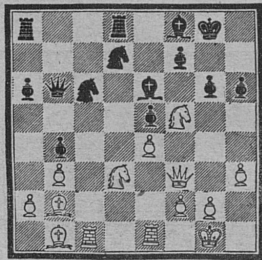
Тираж 100.000.

Зак. № 140

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

под редакцией мастера СССР
Н. Зубарёва

КОЗОДОЙ

Белый конь с большой силой входит в игру.

27... Ла8 — с8
Совсем плохо 27... gf 28. ef
с двойным ударом на с6 и е6.
28. h3 — h4! f7 — f6
Всё ещё плохо было бить

на f5.
29. Фf3 — g3 Кpg8 — f7
30. Кf5 — e3 Кс6 — d4
31. Лс1 — с8 Лd8 — e8
32. Ке3 — d5! Се6 : d5
Этот размен открывает диагональ для белого слона: несколько лучше было 32. ... Фа7. Теперь атака белых становится неотразимой.

33. e4 : d5 Кd4 — f5
34. Фg3 — h3 Кf6 — d6
35. h4 — h5 Кf5 — e7
36. h5 : g6 + Кpf7 — g8
На 36. ... К : g6 последовало бы 37. Фh5 с разными угрозами.
37. Сb2 — c1 Фd6 : d5
38. Сс1 : h6 Лс8 — c3
39. g6 — g7! Сf8 : g7
40. Фh3 — g4 Ке7 — f5
41. Кd3 : b4 Кf5 : h6
и, не дожидаясь ответа, чёрные сдались, так как после 42. К : d5, К : g4. 43. К : c3 их положение безнадежно.

Эта партия решила исход борьбы за первое место в турнире.

Таким именем окрестили эту небольшую лесную птичку встарину, предполагая, что по ночам она пьёт молоко у коз и коров — как бы доит их. Другое её имя — полуночник. Это одна из наиболее полезных птиц наших лесов, так как она истребляет огромное количество лесных вредителей — бабочек и жуков.

Днём полуночник спит, спрятавшись где-нибудь в чаще леса, по большей части сидя на земле или на стволе дерева.

Если случается, что его спугнёт какой-нибудь шум или подозрительный шорох, полуночник вяло и неуклюже перелетает на другое место или же остаётся неподвижным и только ещё плотнее прижимается к дереву. Тут его очень трудно заметить благодаря его буровато-серебристому оперению, вполне сливающемуся с древесной корой или покрытой сухими листьями землёй в лесу.

Но вот наступает ночь. По мере того как тьма окутывает лес, замирают в нём голоса дневных животных и просыпается другая жизнь — ночная. Просыпается и полуночник, отряхивается и отправляется на охоту. Теперь он неузнаваем — движения его быстры и решительны, и он то и дело ловко схватывает на лету своим огромным клювом ночных бабочек и жуков, кружащихся в воздухе и перелетающих с дерева на дерево.

Козодой не вьёт гнезда, а кладёт одно — два яйца

в укромном месте, под кустарниками. От них он пытается отвести врага, притворяясь раненным, и даже иногда переносит яйца на другое место.

ПИГОЛИЦА

Как только с наших лугов стает последний снег, начинается раздаваться крик: «Кивит-кивит!» Крик этот — призыв хорошо известной всем птицы. Водится она преимущественно на затенённых лугах, болотах и трясинах. Ноги её по своему устройству великолепно приспособлены к ходьбе по болотам. Передние пальцы в своём основании связаны тонкой перепонкой, благодаря чему лапка птицы не погружается в трясину.

Особенно любит пиголица дождей червей, которых ловит очень искусно. Выбрав сырое место, где почва глубоко размокла, она сильно топчет ногами, чтобы зыбкая почва пришла в колебание. Дождевой червяк выплывает наружу, и длинноносая пиголица сейчас же схватывает его.

Пиголица — довольно красивая птица, размером приблизительно с голубя. Верхняя часть её оперения сверкает зелёным и пурпуровым металлическим блеском, а чёрная полоска под клювом ярко выделяется на белой шее и груди. Головку украшает легко поднимающийся хохолок. Прилетев в марте, пиголица прежде всего отыскивает удобное место для вывода птенцов. Для этого она выбирает не болото, а непременно покрытую дер-

ном площадку. Найдя подходящее углубление, вроде следа от коровьего или лошадиного копыта, она устилает его былинками травы или волокнами корешков — и гнездо готово. Самка обычно кладёт четыре яйца зеленоватого цвета, с чёрными точками и полосками.

ПОТОМКИ ДРЕВНЕГО ВОЛКА

Не каждому любителю собак нравится шпиц — не большая собака с острой мордой и загнутым вверх тушистым хвостом. А между тем в шпиче есть нечто, выделяющее его из остальной массы четвероногих друзей человека.

Дело в том, что шпиц — прямой потомок первых собак, которых приручил человек на заре своей культурной жизни, когда он был ещё бродячим охотником. Прародителем наиболее древней собаки зоология считает небольшого хищного зверя, древнего волка — шакала. От него произошла так называемая торфяниковая собака, имевшая широкое распространение ещё во времена нового каменного века. Ближайшим потомком торфяниковой собаки и является шпиц.

В начале XVIII века при рытье Ладозского канала были найдены остатки другой породы древней собаки, более крупных размеров, чем торфяниковая. От неё, повидимому, происходят северные породы: лайки, эскимосские собаки и т. д., — а также овчарки.

ПАРТИЯ № 11

играна в Московском полуфинале XIII Всесоюзного шахматного первенства

Испанская

Котов (белые) Флор (чёрные)
1. e2 — e4 e7 — e5
2. Кg1 — f3 Кb8 — c6
3. Cf1 — b5 a7 — a6
4. Сb5 — a4 Kg8 — f6
5. d2 — d3 d7 — d6
6. c2 — c3 g7 — g6
7. Кb1 — d2 Cf8 — g7
8. Кd2 — f1 0 — 0
9. Кf1 — g3 b7 — b5
10. Ca4 — b3 Кс6 — a5
11. Сb3 — c2 c7 — c5
12. 0 — 0 Фd8 — c7

Получился модный в настоящее время вариант известной защиты Чигорина в испанской партии

13. Кf3 — e1
Более естественно здесь 13. Fe2.

13. ... d6 — d5
14. Сс1 — g5 d5 : e4
15. d3 : e4 h7 — h6
16. Сg5 — e3 Ka5 — c4
17. Се3 — c1 Cc8 — e6

В результате вялой игры белых чёрные получили лучшую позицию.

18. Ke1 — d3 Лf8 — e8
19. Лf1 — e1 Сg7 — f8
20. h2 — h3 b5 — b4?

Этим преждевременным продолжением чёрные упускают все свои преимущества. Котов прекрасно пользуется этим упущением своего противника.

21. b2 — b3 Кс4 — a5
22. c3 : b4 c5 : b4
23. Сс1 — w2 Ka5 — c6
24. La1 — c1 Le8 — d8

КРОССВОРД

Составил читатель «Огонька» И. НОВИКОВ
(станция Лось, Ярославской железной дороги)

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

1. Произведение Н. В. Гоголя. 6. Ископаемое. 7. Граница между двумя водными бассейнами. 10. Мера площади. 11. Народ. 13. Овраг. 15. Шахматный термин. 16. Женское имя. 19. Речная ящерца. 21. Река в СССР. 23. Полуостров в США. 25. Прибор для измерения глубины. 26. Река на Пиренейском полуострове. 27. Музыкальный термин. 28. Предмертвное состояние. 30. Нота. 31. Труд. 32. Вершина горы. 34. Задний план картины. 35. Отклонение на две реки. 36. Военное судно. 37. Мера площади. 38. Европейское государство. 41. Древний царь Иудеи. 42. Великий лётчик нашего времени.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

2. Сильный шум. 3. Промышленный район в Западной Европе. 4. Поэтическое произведение. 5. Повесть Льва Толстого. 8. Древняя крепость Рима. 9. Древнегреческий писатель. 11. Мифологическое существо. 12. Женское имя. 14. Сборник географических карт. 15. Опухоль. 17. Река в СССР. 18. Птица. 20. Орудие защиты у животных. 21. Озеро в Африке. 22. Часть головы. 24. Животное. 29. Старинное название реки Урал. 31. Часть лица. 33. Холодное оружие. 34. Автомобиль. 39. Военной возглас. 40. Спортивный термин.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ В № 15—16 «ОГОНЬКА»

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

1. Баян. 3. Карабин. 5. Маис. 7. Тулон. 9. Орден. 10. Тога. 12. Акр. 13. Арба. 15. Мол. 16. Гол. 17. Баобаб. 19. Ягдташ. 22. Смена. 24. Атака. 26. Лидер. 28. Химия. 30. Фасад. 33. Марка. 36. Галера. 38. Тризна. 39. Нос. 40. Лир. 41. Арфа. 43. Ель. 44. Сок. 46. Рулон. 47. Тюфик. 48. Невя. 49. Никотин. 50. Тигр.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Бинт. 2. Цота. 3. Колумб. 4. Неделя. 5. Мина. 6. Сера. 8. Налим. 9. Орган. 11. Гроза. 14. Ротор. 17. Блюминг. 18. Ара. 20. Гид. 21. Шаландя. 22. Салым. 23. Альфа. 25. Три. 27. Еда. 28. Халиф. 29. Мэр. 31. Сыр. 32. Дозор. 34. Арсен. 35. Кольт. 37. Апплин. 38. Трифон. 41. Акбен. 42. Арка. 44. Скот. 45. Каир.

1944 г.

А. АНТ № 62

Цена 2 руб.

ДОБИТЬ ФАШИСТСКОГО ЗВЕРЯ! 202

«Немецкие войска напоминают теперь раненого зверя, который вынужден уползать к границам своей берлоги — Германии для того, чтобы залечить раны» (Сталин).

